

Как влюбиться без памяти

Автор:

Сесилия Ахерн

Как влюбиться без памяти

Сесилия Ахерн

Призвание Кристины Роуз – помогать людям, и она помогает им найти работу, а заодно и свое место в жизни. Но однажды ей не удалось предотвратить чужую беду, и в собственной ее жизни наступил разлад. А может, это случилось уже давно? Кристина рассталась с мужем, и он оказался еще хуже, чем она думала. Ее детище, компания «Роуз рекрутмент», того и гляди разорится, и сотрудники окажутся на улице. А главное – как ей спасти Адама, который задумал совершить непоправимый шаг в свой день рождения? Время уже на исходе...

Ознакомительный отрывок (<http://www.litres.ru/otryivok/sesiliya-ahern/kak-vlubitsya-bez-pamyati-2/?lfrom=201227127>)

Сесилия Ахерн

Как влюбиться без памяти

Cecelia Ahern

How to Fall in Love

© 2013 CECELIA AHERN

Фотография автора на обложке © Barry McCall

© Гурбановская Л., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014

Издательство Иностранка®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Дэвиду, который научил меня влюбляться

Глава I

Как найти спасительный аргумент

Говорят, молния никогда не ударяет дважды. Неверно. То есть говорят именно так, но это неверно как факт.

Ученые из агентства НАСА обнаружили, что молния нередко попадает сразу в два или даже несколько мест, да и шансы, что она ударит именно в вас, на сорок пять процентов выше, чем принято думать. Впрочем, большинство людей, толкуя о молниях и меткости их попаданий, имеют в виду, что молния никогда не ударяет дважды в одного и того же человека. Неверно и это. Хотя вероятность встречи с молнией составляет один к трем тысячам, в Роя

Кливленда Салливана, лесничего из Национального парка в Вирджинии, они ударили семь раз: первый – в 1942 году, а последний – в 1977-м. Молниям не удалось отправить его на тот свет, но в семьдесят один год он покончил с собой выстрелом в живот, по слухам – из-за неразделенной любви. Если бы люди не прибегали к метафорам, а напрямую говорили, что думают, стало бы ясно: они считают, будто одно и то же крайне маловероятное событие не может произойти дважды с одним и тем же человеком. Опять неверно. Кому как не Рою было знать, сколь велики шансы, что крайне маловероятное несчастье может повториться вновь! И теперь я подхожу к сути моего рассказа, к первому из двух событий, чья вероятность была ничтожно мала.

В одиннадцать часов в морозный дублинский вечер я попала туда, куда раньше мне попадать не приходилось. Это не метафора, чтобы передать мое психологическое состояние, хотя тоже подходит, просто я буквально, в географическом смысле, никогда там не бывала.

Ледяной ветер насквозь продувал заброшенный квартал в Саутсайде, таинственно выл и стонал, раскачивал строительные люльки и гудел в пустых оконных проемах.

Незастекленные окна зияли черными дырами, зловеще глядели голые, без отделки, стены, грозно высились перевернутые цементные плиты, укрывая в своей тени коварные ямы и колдобины. Наспех прилаженные балконы, водосточные трубы, провода, которые шли неизвестно куда неизвестно откуда, – готовая сценическая декорация для трагедии. Я поежилась не столько от холода, сколько от неприветливой обстановки. В этих домах должны были жить люди, тогда в окнах было бы темно, потому что они уже погасили бы свет и уютно спали за плотными шторами. Но жилища стояли необитаемые, подрядчики не выполнили обещания, данные во времена строительного бума, и вместо роскошных квартир домовладельцы получили неустанно тикающую бомбу замедленного действия, поскольку список претензий у служб пожарной безопасности был такой же длинный, как перечень лживых заверений строителей.

Мне не следовало там находиться. Я проникла туда незаконно, но тревожило меня не это: там было опасно. Обычному законопослушному человеку нечего делать в подобном месте, и мне надо было развернуться и уйти. Все это я отлично понимала и однако же упорно пробиралась дальше, хоть поджилки и тряслись от страха. Я вошла в дом.

Сорок пять минут спустя я вышла оттуда, вся дрожа и трясясь, и стала ждать, когда приедет полиция, как велел мне оператор экстренной службы 999. Сперва в отдалении замелькали огни «скорой помощи», и следом почти сразу появилась полицейская машина без опознавательных знаков. Из нее выскочил детектив Магуайр – небритый, с растрепанными волосами, суровый, чтобы не сказать свирепый, и, как я успела узнать раньше, очень неуступчивый, притом готовый взорваться в любую минуту – словом, черт, с трудом удерживающий себя в табакерке. Пускай с виду Магуайр в свои сорок семь лет сильно смахивает на заядлого рок-музыканта, но он офицер полиции, и потому не важно, как он выглядел, а важно, что он там был, – это означало, что дело нешуточное. Проводив их до квартиры Саймона, я вернулась на улицу и снова принялась ждать, должна же я была изложить свою историю.

Я рассказала детективу Магуайру, что тридцатилетний Саймон Конвей, с которым я случайно столкнулась в пустой квартире пустого дома, был одним из тех пятидесяти бедолаг, которым пришлось отказаться от надежды поселиться здесь ввиду явной ее несбыточности. Саймон говорил по большей части о деньгах, о том, что он не в состоянии платить по ипотеке за квартиру, где ему запрещают жить, о бюрократах, которые чинят ему всяческие препоны, и о том, что он только что потерял работу. Я не слишком внятно передала Магуайру свой разговор с Саймоном, путая то, что реально было сказано, с тем, что, как я потом поняла, надо было сказать.

Дело в том, что у Саймона, которого я никак не ожидала там увидеть, в руке был пистолет. Думаю, я удивилась нашей встрече даже больше, чем он моему внезапному появлению в заброшенном доме. Похоже, он решил, что меня туда направила полиция, чтобы поговорить с ним, и я его в этом разубеждать не стала. Пусть лучше считает, что в соседней комнате у меня наготове вооруженная толпа народу, думала я, не в силах оторвать взгляд от вороненого ствола, которым он беспрерывно размахивал. Он говорил и говорил, а я пыталась стоять спокойно, борясь с желанием увернуться, вильнуть в сторону, а то и вовсе броситься вон из комнаты. То и дело накатывали волны панического ужаса, но я все равно успокаивала Саймона и убеждала отложить пистолет. Мы заговорили о его детях, и я, как могла, выискивала светлые моменты в его мрачном положении. В итоге мне удалось добиться того, что он положил оружие на подоконник, и тогда я позвонила в полицию, куда же еще. Не успела я убрать телефон, как все вдруг неуловимо изменилось. Я что-то им сказала, какую-то незначительную, проходную фразу – но именно ее, как я потом поняла, говорить было нельзя, – и это сработало как спусковой механизм.

Саймон глядел на меня, и я знала, что он меня не видит. Его лицо исказилось. В голове у меня раздался сигнал тревоги, но прежде чем я успела что-нибудь сделать, он взял пистолет и приставил себе к виску. Пистолет выстрелил.

Глава II

Как уйти от мужа без скандала

Иногда у того, кто видел, а тем более стал участником подлинно драматического события, возникает желание перестать притворяться. Вдруг ощущаешь себя идиотом, шарлатаном. И хочется покончить с подделками, будь то безобидные мелочи или кое-что поважнее, например замужество. Так случилось со мной.

Если человек начинает завидовать друзьям, которые решили развестись, ему пора осознать, что его собственный брак дал трещину. Последние месяцы у меня было странное чувство, точно я догадывалась о чем-то, но в то же время и нет. Когда наш брак развалился, я поняла, что с самого начала знала: он был ошибкой. Конечно, выпадали и счастливые дни и порой посещала радостная надежда, что все вообще неплохо обернется. Кто ж спорит, позитивный настрой – великая вещь, но одни лишь благие намерения – шаткое основание для семейной жизни. И вот этот случай или, как я мысленно его называла, «урок» Саймона Конвея помог мне наконец взглянуть фактам в лицо. На моих глазах произошло нечто до ужаса реальное, и пришла простая мысль – хватит притворяться, будь собой, живи честно.

Моя сестра Бренда убеждена, что я ушла от мужа, потому что не смогла справиться с посттравматическим стрессом. Она умоляла меня поговорить с кем-нибудь, кто в этом разбирается, и я сообщила ей, что уже поговорила, и не раз, поскольку действительно уже давно веду с собой задушевные беседы. Это чистая правда, и Саймон лишь приблизил окончательное прозрение. Разумеется, Бренда ждала от меня другого ответа, она имела в виду, что я обращусь к специалисту по задушевым разговорам, а вовсе не пьяные излияния у нее на кухне посреди ночи посреди недели.

Поначалу мой муж Барри старался понять и поддержать меня, что называется, «в трудную минуту». Он тоже думал, что мое неожиданное решение расстаться с ним – своеобразная отдача от пистолетного выстрела. Но потом до него дошло – я ведь собрала вещи и ушла из дома, – что я не шучу, и он тут же принялся говорить обо мне всякие гадости. Я его не осуждаю, хотя очень удивилась, узнав, что я «толстуха», а больше того, что он думает, будто я куда лучше отношусь к его матери, чем к нему самому. Всем казалось странным то, что я сделала, и никто мне не верил. Неудивительно, ведь всю дорогу я тщательно скрывала, как мне плохо с Барри, а тут вдруг поняла, что время вышло.

В ту ночь, когда я сперва сообразила, что это из моего горла вырвался истошный вопль, а потом второй раз позвонила в полицию, а потом дала показания, а потом выпила чаю с молоком в ближайшем супермаркете, я приехала домой и сделала четыре вещи. Во-первых, пошла в душ, чтобы хоть попытаться смыть с себя весь этот ужас. Во-вторых, перелистала уже порядком потрепанную книжку «Как уйти от мужа без скандала». В-третьих, разбудила его, предложила ему кофе, тост с маслом и поскорее развестись. В-четвертых, в ответ на его недоумение рассказала, что у меня на глазах застрелился человек. Вспоминая об этом позже, я поняла, что Барри куда сильнее заинтересовало ночное происшествие, чем то, что я от него ухожу.

Меня очень удивило то, как он повел себя после нашего разрыва, и собственное в этой связи изумление поразило ничуть не меньше. Мне казалось, что куча полезных книг, которые я успела проштудировать, должны были подготовить меня к такой ситуации. Я ведь столько раз прикидывала, какие у каждого из нас возникнут переживания, если я все же решусь на развод, столько всего на эту тему прочитала – на всякий случай, чтобы подготовиться и принять верное решение. Многие мои друзья успели развестись, и я провела не одну ночь, выслушивая обе стороны. И все-таки мне никогда не приходило в голову, что мой муж способен вдруг в одночасье превратиться в ядовитого, злобного, агрессивного психа. Наша общая квартира стала его квартирой, и он меня туда на порог не пускал. Наша общая машина стала его машиной, и он не давал мне ею пользоваться. И все остальное, что было нашим общим, он усиленно пытался отвоевать себе. Даже то, что ему вовсе не было нужно. Это был обмен по его курсу. Имей мы детей, он бы забрал их и навеки запретил мне с ними видеться. Он был нежно привязан к кофеварке, горячо любил столовый сервиз, обожал тостер и питал искреннюю симпатию к электрическому чайнику.

Собирая вещи, я терпеливо сносила его вопли – на кухне, в гостиной, спальне и даже в туалете, куда он последовал за мной, чтобы орать там, пока я писала. Из всех сил старалась быть спокойной, понимающей и даже сочувствующей. Я всегда умела слушать и готова была выслушивать его сколько потребуется, но вот объяснить, оказывается, я умела гораздо хуже, да мне и странно было, что ему нужны какие-то объяснения. Я не сомневалась, что в глубине души он относится к нашему браку точно так же, как я, но его настолько оскорбило мое желание уйти, что он напрочь позабыл обо всем, что было раньше. Например, как нам обоим порой казалось, будто мы накрепко заперты в ловушке никому не нужных отношений. Им владела ярость, а ярость делает человека глухим к чужим доводам. Его, во всяком случае, она сделала глухим как пень, а потому я покорно ждала, пока он отбушует, и надеялась, что когда-нибудь мы сможем поговорить обо всем начистоту.

Да, я знала, что права, а все же меня страшно мучала совесть из-за того, что я так с ним поступила. И эти мои угрызения, и горечь вины, оттого что я не сумела удержать человека от самоубийства, тяжким бременем лежали у меня на душе. Я и до того несколько месяцев спала очень плохо, а теперь, кажется, перестала спать вовсе.

– Оскар, – сказала я клиенту, сидящему в кресле напротив моего стола, – водитель автобуса не хочет вас убить.

– Хочет. Он ненавидит меня. Вы этого не понимаете, потому что не видели его и не знаете, как он на меня смотрит.

– А с чего бы это водителю так к вам относиться?

Он пожал плечами:

– Как только автобус подъезжает, он открывает дверь и потом сразу на меня смотрит.

– Он вам что-нибудь говорит?

– Когда я захожу, ничего. А когда нет, он вроде как ворчит на меня.

- А что, вы не всегда заходите в автобус?

Он отвел глаза и уставился в пол.

- Иногда мое место бывает занято.

- Ваше место? Это что-то новенькое. Какое место, Оскар?

Он вздохнул, понимая, что влип. И признался:

- Слушайте, в автобусе все на всех пялятся, так? На этой остановке захожу только я один, и все пялятся на меня. И поэтому я сажусь позади водителя. Ну, знаете, боковое сиденье, лицом к окну? Там удобно, оно как бы полностью скрыто от всего автобуса.

- Там вы в безопасности.

- Отличное место. Сидя там, я мог бы, наверное, доехать даже до города. Но иногда там уже сидит эта девушка, ну, такая, с отклонениями, и она слушает свой айпод и поет синглы «Степс», громко, на весь автобус. И если она там сидит, я не захожу, потому что меня напрягают люди с отклонениями и еще потому что это мое место, понимаете? А увидеть, сидит она там или нет, я могу только, когда автобус остановился. Ну, я проверяю, и если место занято, то не еду. Водитель меня ненавидит.

- Сколько это продолжается?

- Не знаю, пару недель.

- Оскар, вы понимаете, что это означает. Нам придется все начать сначала.

- О нет! - Он закрыл лицо руками и уткнулся в колени. - Но я же проезжал полдороги до города!

- Не будем спорить. Итак, завтра вы непременно войдете в автобус. Сядете на любое свободное место и проедете одну остановку. Потом можете выйти и вернуться домой пешком. На следующий день, в среду, вы войдете в автобус,

займете любое свободное место и проедете две остановки, а затем прогуляетесь до дому. В четверг – три остановки, в пятницу – четыре, слышите меня? Вам нужно справляться с этим мало-помалу, шаг за шагом, и в конце концов вы решите эту задачу.

Я не была уверена, кого именно пытаюсь убедить. Его или себя.

Оскар медленно разогнулся, провел ладонями по щекам и посмотрел на меня.

– У вас все получится, – мягко сказала я.

– Вам легко говорить.

– А вам нелегко это сделать, я понимаю. Отрабатывайте технику дыхания. Вскоре вы увидите, что дело не такое уж и трудное. Вы сможете оставаться в автобусе всю дорогу до города, и на место страха придет радость. Вам сейчас кажется, что впереди тяжелые дни, а потом вы поймете, что они были счастливыми, потому что вы сумели преодолеть огромные проблемы.

Он, похоже, сомневался.

– Поверьте мне.

– Я верю, только мне смелости не хватает.

– Смелый не тот, кто не боится, а тот, кто побеждает свой страх.

– Ммм... это из ваших книг?

Он кивнул на полки, заставленные всевозможными сборниками и пособиями на тему «помоги себе сам». На все случаи жизни. Да, их у меня в кабинете накопилось немало.

– Это из Нельсона Манделы, – улыбнулась я.

– Жалко, что вы трудоустройством занимаетесь, из вас бы вышел хороший психолог, – заметил он, рывком выдернув себя из кресла.

– Ну, я в общем-то ради нас обоих стараюсь. Когда вы начнете отъезжать от дома дальше чем на четыре автобусные остановки, это расширит круг моих поисков и возрастут шансы найти вам работу.

Надеюсь, мне удалось скрыть раздражение. Оскар – научный сотрудник, очень талантливый, высококвалифицированный. Найти для него работу было бы совсем несложно – я уже трижды его устраивала в разные места, – но из-за его проблем с транспортом задача резко усложнялась. Я старалась помочь ему преодолеть эти страхи, чтобы в итоге подыскать такую работу, куда он мог бы спокойно ездить каждый день. Учиться водить машину он тоже боялся, а я не готова была зайти так далеко, чтобы стать еще и его инструктором по вождению. Ну спасибо, он хоть согласился побороть свой страх перед автобусами. Я глянула на часы.

– Что же, ладно. Пусть Джемма скажет вам, когда прийти на следующей неделе. Надеюсь, вам будет что рассказать мне о своих достижениях.

Как только он вышел, я убрала с лица вежливую улыбку и обратила взгляд на полку в поисках подходящего издания из серии «Как...». Клиенты изумлялись, сколько у меня книг, а я порой думала, что моя подруга Амалия, владелица небольшого книжного магазинчика, еще не прогорела исключительно благодаря мне. Книги – мое спасение, моя палочка-выручалочка, они помогают мне решать свои и чужие проблемы. Последние десять лет я мечтаю сама что-нибудь написать, но все попытки заканчиваются тем, что, исполнившись вдохновения, я сажусь за стол, включаю компьютер и долго смотрю в монитор. Пустая белая поверхность наглядно отражает мои творческие возможности.

Моя сестра Бренда говорит, что идея написать книгу увлекает меня куда больше, чем ее реальное воплощение, потому что если б я правда хотела писать, то я бы так и делала каждый божий день. Она говорит, что настоящего писателя ничто не остановит – есть у него идея или нету, есть на чем писать или нет – он все равно пишет. И ему все едино, что зеленые чернила, что синие, с молоком у него кофе или вообще без сахара, это все мелочи, они на творческий процесс не влияют. А меня, увы, именно такие мелочи всякий раз сбивают с нужного настроения, стоит мне только сесть за стол. Бренда частенько изрекает прискорбные истины, но, боюсь, это как раз тот случай, когда она права. Мне

хочется писать, я просто не знаю, получится ли у меня, и мне страшно убедиться, что ничего не выйдет. Книжка с манящим заголовком «Как написать успешный роман» полгода пролежала у меня рядом с кроватью, но я так ни разу и не открыла ее, боялась, что если тамошние полезные советы мне не помогут, то придется навеки проститься с мечтой о книге. Поэтому я припрятала литературное руководство в комод – до лучших времен.

Наконец я нашла то, что, собственно, и искала. «Как уволить сотрудника. 6 советов с иллюстрациями».

Толку от этих иллюстраций, по-моему, никакого, но все же я подошла к зеркалу и попыталась соорудить такую же озабоченную физиономию, как у работодателя на странице сорок шесть. Затем почитала собственные заметки на обороте задней стороны обложки. Сомневаюсь, что мне удастся это исполнить. Моя компания по подбору персонала «Роуз рекрутмент» существует вот уже четыре года, и сотрудников в ней тоже четверо. Секретарша Джемма очень полезный член нашего маленького сообщества, и мне жаль было бы с ней расстаться, но, учитывая мои нынешние финансовые обстоятельства, надо рассматривать и такой вариант. Я читала свои заметки, когда в дверь постучали и тут же вошла Джемма.

– Джемма, – взвизгнула я и виновато засуетилась, старательно пряча от нее книжку. Я попыталась приткнуть ее на полку, но там и так все было забито. Второпях я сделала неловкое движение, глянцевого издание выскользнуло у меня из рук и плавно приземлилось у ног Джеммы.

Она хихикнула и нагнулась, чтобы поднять книгу. Прочла название и густо покраснела. Выпрямилась, посмотрела на меня, и в ее глазах были удивление, страх, растерянность и обида. Я открыла рот, не нашлась что сказать, закрыла его, потом снова попыталась выдать что-нибудь, лихорадочно вспоминая, как эта полезная книжка советует сообщить сотруднику нерадостную для него весть. Что там... а, доходчиво, сочувственно, не слишком эмоционально, откровенно... или не надо откровенно? Впрочем, пока я мялась, она и так уже все поняла.

– Ну наконец хоть какая-то польза от одной из ваших дурацких книг, – пробормотала Джемма, с трудом сдерживая слезы, сунула ее мне в руки, сгребла свою сумку и стремительно бросилась вон из офиса.

Вконец расстроенная, я все же чувствовала себя задетой этим «наконец». Я без моих книг как без рук. От них есть польза.

– Магуайр, – неприветливо рявкнул в трубку хриплый голос.

– Здравствуйте, это Кристина Роуз.

Я заткнула свободное ухо пальцем, чтобы не слышать, как за стеной в приемной надывается телефон. Джемма с тех пор так и не появилась, и мне не удавалось собрать всех вместе, чтобы решить, как нам поделить ее обязанности между собой. Питер и Пол не выказывали ни малейшего желания брать на себя работу так несправедливо уволенной сотрудницы. Все ополчились против меня, хотя я им сто раз объясняла, что вышло недоразумение. Аргумент «я не собиралась ее увольнять... сегодня», судя по всему, никуда не годился.

Утро выдалось просто кошмарное. Было очевидно, что без Джеммы работать невозможно, – я уверена, именно это она и стремилась доказать, – однако мой счет в банке отвергал очевидное. Я по-прежнему должна была выплачивать половину кредита за наш с Барри дом, а с этого месяца мне придется выкладывать еще и шестьсот евро за съемную двухкомнатную квартиру. Надо же мне где-то жить, пока мы с ним не уладим финансовые вопросы. Исходя из того, что мы будем вынуждены продать жилье, потому что ни ему, ни мне в одиночку оно не по карману, а дело это долгое, я думаю, мне придется регулярно посягать на свои сбережения. Барри, например, уже вовсю на них посягает, вероятно, руководствуясь поговоркой «отчаянные времена требуют отчаянных мер». Он забрал все до единой драгоценности, которые когда-то мне дарил, и твердо намерен оставить их себе. О чем известил меня через автоответчик. С этого сообщения и началось мое утро.

– Я понял. – Большого восторга в голосе Магуайра я не услышала. Впрочем, странно, что он вообще меня помнит.

– Я уже две недели вам звоню. И сообщения оставляла.

– Да, я заметил. У меня весь автоответчик ими забит. Вы зря дергаетесь. Проблем у вас не будет.

Я была сбита с толку. Мне и в голову не приходило, что у меня могут быть проблемы.

– Я вам не поэтому звонила.

– Вот как? – нарочито удивился он. – А то ведь вы мне так и не объяснили, что делали в заброшенном здании на частной территории в одиннадцать часов вечера.

Я молчала, потому что не знала, что сказать. Почти все задавали мне этот вопрос, а те, кто не задавал его вслух, явно с трудом от этого удерживались, и ответа я пока не сумела дать никому. Надо было срочно менять тему, пока он не вцепился в меня мертвой хваткой.

– Я звонила насчет Саймона Конвея. Хотела узнать, где и когда будут похороны. В газетах ничего об этом не сообщалось. Но с тех пор две недели прошло, ясно, что похороны я пропустила. – Я старалась говорить сдержанно, без раздражения.

Звонила я потому, что надеялась узнать побольше о Саймоне Конвее. С его уходом у меня в душе образовалась огромная брешь, а в голове – множество вопросов. Мне не будет покоя, пока я не узнаю, что произошло после того злосчастливого дня. Я хотела выяснить что-нибудь о его семье, хотела рассказать им, как нежно и с какой любовью он о них говорил, без единого слова упрека. Я должна сказать им глаза в глаза: все, что тогда было в моих силах, я сделала. Чтобы они не так терзались или я? А что плохого, если и то и другое? Я не собиралась, конечно, напрямую спрашивать Магуайра обо всем этом, да он бы и не ответил, но провести черту и не вспоминать больше о той ночи я тоже не могла. Мне нужно, мне жизненно важно знать больше.

– Значит, две вещи. Первое – нельзя так сильно переживать из-за каждого потерпевшего. Я в эти игры давно играю и...

– Игры? Человек на моих глазах пустил себе пулю в голову! Для меня это не игра. – Голос у меня сорвался.

Мы оба замолчали. Я передернулась и закрыла глаза ладонью. Потом выдохнула. Взяла себя в руки, прочистила горло и спросила:

– Алло, вы там?

Я ожидала, что он по обыкновению съезвит, но ничего подобного. Наоборот, он ответил очень мягко, и если раньше из трубки доносились чьи-то голоса, сейчас те, кто был рядом с Магуайром, притихли, и я с тревогой подумала, что все они меня слушают.

– Знаете, у нас тут есть сотрудники, которые помогают прийти в себя после таких событий. С ними можно поговорить. Помните, я вам еще тогда ночью об этом сказал. И телефон дал. Вы его сохранили?

– Да не нужно мне ни с кем говорить, – рассердилась я.

– И то верно. – Он мгновенно отбросил манеру добродушного дяди. – Короче, возвращаюсь к тому, на чем вы меня перебили. Сведений о похоронах у меня нет. Потому что не было никаких похорон. Не знаю, откуда у вас информация, но вам навешали лапши на уши.

– В каком смысле?

– Навешать лапши – облапошить.

– Нет, в каком смысле – не было похорон?

Магуайр явно злился, что приходится объяснять очевидное.

– Он не умер. Во всяком случае, пока что. Лежит в больнице. Я узнаю в какой. Позвоню туда и скажу, что вам можно его навестить. Хотя он в коме и не особо готов общаться.

Я была так потрясена, что лишилась речи.

Последовало долгое молчание.

– У вас все или есть еще вопросы? – Он говорил уже на ходу, я слышала, как хлопнула дверь и кто-то громко ругал «проклятых электриков».

Я все пыталась осознать то, что он сказал. Ноги подкашивались, и я медленно опустилась в кресло.

Если тебе дано было узреть чудо, то начинаешь верить, что нет ничего невозможного.

Глава III

Как поверить в чудо и что делать дальше

Тишину больничной палаты нарушал лишь ровный писк кардиомонитора и шелест аппарата искусственного дыхания. Саймон разительно переменялся по сравнению с тем, каким я видела его в последний раз. Он выглядел спокойным и умиротворенным. Голову и правую часть лица скрывали бинты, а на левой было такое безмятежное выражение, будто ничего не случилось. Так что я села слева от его койки.

– Я была рядом, когда он выстрелил, – шепотом сказала я Анджеле, его медсестре. – Он прижал пистолет вот сюда, – я показала, куда именно, – и нажал на спуск. Я видела, как его... ну, в общем, его голова разлетелась. Как же ему удалось выжить?

Анджела улыбнулась, и это была грустная улыбка, даже не улыбка, а так, легкое движение губ:

– Чудом.

– Что же это за чудо такое? – по-прежнему шепотом, чтобы Саймон не услышал, спросила я. – Постоянно об этом думаю, и так и эдак кручу в голове.

В книгах, которые я читала, было сказано, что если вам удастся заставить человека, который грозит совершить самоубийство, мыслить рационально, если он реально, в подробностях, представит себе и суицид, и его последствия, то, возможно, он и откажется от своего намерения. Ведь самоубийцы на самом

деле хотят, чтобы прекратились их душевные страдания, а не жизнь, поэтому, если показать им, что есть другой способ облегчить боль, это может помочь.

– У меня же нет никакого опыта, так что, думаю, я неплохо справилась. Мне удалось до него достучаться. Он ведь ко мне прислушался. Ну, в какой-то момент. Знаете, даже убрал пистолет и разрешил мне позвонить в полицию. Я только никак не пойму, почему он потом передумал и все-таки выстрелил.

Анджела нахмурилась, точно увидела или услышала что-то, что ей не понравилось.

– Вы понимаете, что это не ваша вина? Понимаете?

– Да понимаю, – отмахнулась я.

Она пристально в меня вглядывалась, а я сосредоточенно изучала правое колесико больничной койки, представляя, как оно ездит туда-сюда и на полу остаются слабые черные следы.

– Знаете, есть специалисты, с которыми можно обсудить такого рода вещи. Вам имеет смысл рассказать кому-нибудь о том, что вас тревожит.

– Почему все упорно мне об этом твердят? – рассмеялась я как можно беззаботнее, но в глубине души нарастала злость. Мне надоело, что меня анализируют, что со мной обращаются как с несмышлеником, которого надо опекать и направлять. – Со мной все прекрасно.

– Я вас оставлю с ним на какое-то время. – Анджела вышла, так тихо ступая белыми туфлями, что казалось, она парит над полом.

Ну вот, я пришла сюда и совсем не знаю, что теперь делать. Хотела было взять Саймона за руку, но в последний момент удержала себя. Будь он в сознании, может, и не захотел бы, чтобы я к нему прикасалась, вдруг он осуждает меня за то, что случилось. Моя задача была его остановить, а я с ней не справилась. Возможно, он надеялся, что я помогу ему передумать, найду верные слова, а я обманула его ожидания. Я прочистила горло, огляделась вокруг, чтобы убедиться, что никто не слышит, и наклонилась к его левому уху, но не слишком

близко, чтобы не напугать.

– Привет, Саймон, – прошептала я.

Посмотрела, как он отреагирует. Никак.

– Меня зовут Кристина Роуз, вы говорили со мной ночью на кухне, ну... когда это все произошло. Надеюсь, вы не против, что я посижу с вами немножко.

Я слегка отодвинулась и постаралась уловить хоть что-нибудь, хоть малейший намек, что ему неприятно мое присутствие. Меньше всего мне бы хотелось причинить ему лишнюю боль. На поверхности все по-прежнему было тихо и спокойно, я поудобнее устроилась на стуле и расслабилась. Я не ждала, что он очнется, не было ничего такого, о чем мне хотелось бы ему сказать, просто хорошо было сидеть вот так, молча, рядом с ним. Хорошо, что я здесь, а не где-нибудь вдали от него, в полном неведении, что с ним происходит.

В девять вечера, когда часы посещения закончились, никто не попросил меня уйти. Понятно, что с пациентами вроде Саймона больничное расписание можно не принимать в расчет. Он в коме, на искусственном жизнеобеспечении, состояние его не улучшается. Я сидела и думала о его и о своей жизни, о том, как наши пути пересеклись и наши судьбы безвозвратно изменились. Прошло всего две недели с тех пор, как Саймон пытался совершить самоубийство, но это событие уже отклонило линию моей жизни, задав ей новое направление. Оставалось только гадать, было ли это простым совпадением или я оказалась в том доме волею судьбы.

– А что ты вообще там делала? – спросил меня Барри.

Растерянный, помятый со сна, он сидел в кровати, близоруко щурясь, но потом надел очки с черными дужками, и его крошечные глазки сделались огромными. Я и тогда не могла ему ответить, и сейчас не могу. Произнести это вслух означает расставить все точки над «i», сразу станет ясно: я нахожу, что пропадаю, почти пропала уже. Такой вот горький парадокс.

Помимо вопроса о том, что я там делала, возникает и еще один: что побудило меня остаться в заброшенном доме один на один с вооруженным мужчиной? Мне нравится помогать людям, но думаю, дело не только в этом. Решать проблемы –

мое призвание, так я себя вижу в этой жизни, и соответственно этому поступаю. Если проблему нельзя устранить полностью, то можно попытаться изменить к лучшему хоть что-нибудь, в первую очередь образ действий. Мои взгляды и навыки сформировались благодаря отцу, который вынужден был постоянно решать сложные задачи. Нас у него было трое дочерей, и росли мы без матери. Лишенный, понятное дело, материнского инстинкта, он не мог интуитивно знать, что для нас хорошо, а что плохо, посоветоваться ему было особо не с кем, и потому он задавал нам вопросы, выслушивал ответы и искал решение. Он избрал такой способ, потому что он был наиболее действенным. Отец, на руках у которого остались трое детей – старшей десять лет, младшей четыре года, – пытался защитить нас как умел.

Я открыла собственное агентство по трудоустройству, что и без того звучит достаточно солидно, но предпочитаю думать о себе как об устроительнице в более широком смысле, ведь найти человеку хорошую работу – это, по сути, устроить его судьбу. И если все складывается удачно, то в выигрыше оказываются все: компания получает от сотрудника именно то, что ей нужно, а он, в свою очередь, то, что нужно именно ему, от компании. Ну и я тоже довольна. Иногда это простая арифметика – есть подходящее место и на него подходящий претендент, а иногда, как в случае с Оскаром, я выхожу далеко за пределы своих прямых обязанностей. Люди, с которыми мне приходится общаться, настроены очень по-разному. Одни потеряли прежнюю работу и переживают сильный стресс. Другие просто хотят сменить занятие и тоже, конечно, волнуются, но исполнены счастливых ожиданий. Есть и те, кто впервые нанимается на работу, и они предвкушают начало чего-то нового. Как бы то ни было, а все они, так сказать, в пути, и я их проводник. Я в полной мере отвечаю за каждого и должна привести его в нужное место. Н-да, следуя этой логике, получаем, что я привела Саймона Конвея в больничную палату.

Мне не хотелось оставлять его там одного, да и возвращаться в полупустую съемную квартиру, где, кроме как тупо смотреть в стенку, и заняться-то нечем, тоже не хотелось. У меня много друзей, у которых теоретически можно было бы пожить, но это наши с Барри общие друзья, и они не торопятся меня приглашать, потому что не хотят вступать в наши дразги, занимать чью-либо сторону, а в особенности мою. Ведь это я – зачинщица, я – злое чудище, разбившее сердце крошки Барри. Нет, не стоит мне подвергать их таким испытаниям. Бренда предложила мне пожить у нее, но я бы не вынесла ее сестринских хлопот по устранению моего посттравматического синдрома. Я хочу поступать по собственному разумению и чтобы никто не донимал меня вопросами, в первую очередь о том, разумно ли я поступаю. Мне необходима

свобода – это и была главная причина, по которой я ушла от мужа. Тот факт, что в отделении интенсивной терапии мне, как нигде, вольготно, говорит о многом.

Теперь о том, чего я не могла сказать ни следователю Магуайру, ни Барри, ни сестрам, ни отцу – вообще никому. Я пыталась найти особенное место, где мне было бы хорошо. Вычитала я об этом в книжке под названием «Как найти место счастья». Идея в том, что надо найти такое место, где у вас резко повышается настроение. Оно может быть связано с какими-то счастливыми воспоминаниями, окрыляющими душу, а может, там просто освещение удачное или вообще хорошо без причины, непонятно почему. Когда вы отыщете это «место счастья», говорилось в книжке, начинайте тренироваться, и в итоге вы научитесь вызывать счастливые ощущения, связанные с ним, абсолютно всегда и везде, где только пожелаете. Однако работает это только в том случае, если вам и вправду удастся отыскать правильное место. И я стала его искать. Именно этим я и занималась в ту ночь, когда встретила Саймона Конвея в заброшенном доме. Но я пришла вовсе не в этот дом, а просто туда, где он находится. Мне хотелось увидеть то, что там было раньше.

Крикетная команда Клонтарфа играла против Саггарта. Мне было пять лет, мама умерла всего несколько месяцев назад, и я помню, что день выдался очень солнечный, первый ясный день после долгой холодной и мрачной зимы, и мы с сестрами пришли смотреть, как будет играть папа. На матч явились болеть все члены клуба, и я помню, как крепко пахло пивом, и еще вкус соленых орешков из пакетиков, которые я опустошала один за другим. Отец бил по мячу, это было уже под конец игры, я видела его напряженное лицо, у него было то самое выражение, которое не покидало его все последние месяцы, казалось, что глаза совсем спрятались под нахмуренными бровями. Соперник ошибся, отбивая его подачу, и промазал. Мяч разрушил калитку, и тот парень был выведен из игры. Папа завопил так громко и так яростно выбросил вверх сжатые кулаки, что болельщики взорвались от восторга. Сначала я испугалась общего бурного безумия, казалось, все вокруг разом подхватили загадочный вирус (как в фильме про зомби, который я видела незадолго до того), а на меня этот вирус почему-то не подействовал, но потом увидела папино лицо и поняла, что все в порядке. Он улыбался во весь рот, и сестры тоже были совершенно счастливы. Их, как и меня, не слишком интересовал крикет – на самом деле всю дорогу на матч они ныли, что лучше бы папа разрешил им остаться играть во дворе, – но теперь, когда они наблюдали миг его торжества и вся команда дружно подняла его на

руках, они разулыбались, и я помню, что вдруг подумала: у нас все будет хорошо.

Я пришла в те края, чтобы снова поймать это ощущение, но вместо этого обнаружила заброшенную стройплощадку и встретила Саймона.

Вечером, выйдя из больницы, я вновь двинулась на поиски места, поднимающего настроение. К тому времени я занималась этим уже полтора месяца и успела побывать в своей старой начальной школе; на баскетбольной площадке, где когда-то целовалась с парнем, который, как мне казалось, был во всех отношениях – игрок высшей лиги; в колледже; в доме, где жили бабушка с дедом; в садовом питомнике, куда мы часто с ними ходили; в местном парке; в теннисном клубе, где я бывала во время летних каникул, и во многих других местах, о которых у меня сохранились добрые воспоминания. Я даже заглянула наугад к своей однокласснице по начальной школе, и мы немного поболтали. Ничего кошмарнее себе и вообразить нельзя, я немедленно горько пожалела, что зашла. Вообще-то я была на этой улице по делу, но, проходя мимо ее дома, вдруг вспомнила: сладкий запах горячей выпечки у нее на кухне. Кажется, всякий раз, когда я у них бывала, ее мама что-нибудь пекла. Двадцать четыре года спустя уже не было ни того запаха, ни ее мамы, а взамен появились два ребенка, которые висли на моей измученной приятельнице, точно она не человек, а шведская стенка. Они ни секунды не дали нам поговорить спокойно, и это было прекрасно, потому что сказать нам друг другу было решительно нечего, разве что в ее глазах я прочитала немой вопрос: «За каким чертом ты сюда притащилась? Мы ведь даже не дружили по-настоящему». Но, видимо, она сочла, что у меня в жизни трудный период, и потому из вежливости не спросила об этом вслух.

Поначалу я не слишком тревожилась, что мне не удастся найти «место счастья», поиски давали мне возможность чем-то себя занять, но постепенно я стала впадать в уныние. Вместо того чтобы подзаряжаться позитивной энергией, я планомерно уничтожала свои хорошие воспоминания.

Визит в больницу преисполнил меня железной решимости найти это место. Мне надо было взбодриться, и я понимала, что у себя в съемной квартире с обоями в магнолиях я бодрости не обрету.

Вот чем я была занята, когда крайне маловероятное событие произошло второй раз за один и тот же месяц с одним и тем же человеком.

Глава IV

Как ухватиться за жизнь

Вночь на воскресенье на улицах Дублина было тихо и малоллюдно, зато зверски холодно. Я шла по набережной Веллингтона к мосту Хафпенни. Небо заволокли тучи, предвещая скорый снегопад. Официально старинный пешеходный мост, соединяющий северную часть города с южной, зовется Лиффи-бридж, по названию реки. А в народе его называют «Хафпенни», потому что в 1816 году, когда его построили, за проход взимали плату – полпенни. Этот мост с чугунной решеткой особенно хорош ночью, когда его освещают арочные фонари – три дуги, перекинутые над перилами по краям и в середине. Я пришла туда потому, что с этим местом у меня связаны воспоминания об «испанском изгнании», когда я год перед дипломом провела в Мадриде, изучая испанский и экономику. Не помню, насколько дружной была наша семья при маме, но точно знаю, что ее смерть сплотила нас на долгие годы, и казалось невероятным, что кто-то покинет семейное гнездо. Поступая в колледж, я точно знала, что он участвует в международной программе «Эразмус Мундус», а это неизбежно предполагает стажировку за границей, но тогда перспектива ослабить прочные узы и отправиться в свободный полет казалась мне чрезвычайно заманчивой. Едва приехав в Испанию, я сразу поняла, какая это была ошибка. Я бесконечно рыдала, не могла ни есть, ни спать, ни хоть сколько-нибудь сосредоточиться на занятиях. У меня было такое чувство, будто в груди образовалась зияющая рана, потому что сердце мое осталось дома, с родными. Папа писал мне каждый день, с юмором рассказывал всякие житейские мелочи о себе и моих сестрах. Так он старался поднять мне настроение, а я, напротив, скучала по ним с удвоенной силой. Но однажды он прислал фотографию, которая вдруг помогла мне справиться с хронической тоской по дому. Точнее, тоска осталась, но с ней уже можно было жить. На фото был мост Хафпенни, над ним ночное дублинское небо, подсвеченное огнями, а внизу – темная лента Лиффи, в которой отражаются разноцветные фонари. Как замороженная, вглядывалась я в увеличенные пикселица людей, по случайности попавших в кадр, придумывала им имена и биографии, сочиняла истории о том, куда они шли, когда фотограф выхватил их из потока жизни. Я распечатала эту картинку

в двух экземплярах и один пришила у себя над кроватью, а другой носила с собой, так что частичка дома неизменно была при мне.

Я была не настолько наивна, чтобы надеяться вернуть прежние ощущения во всей их полноте, стоит мне только увидеть этот мост, тем более что видела я его почти каждую неделю. К тому моменту у меня уже накопился изрядный опыт, и я знала, что настоящее «место счастья» найти не так-то просто, но мне хотелось просто постоять там и хоть немного окунуться в прошлое. Была уже ночь, темное небо слегка светилось на горизонте, и, несмотря на то что по берегам реки встали новые дома, отчего вид несколько изменился, огоньки все так же отражались в черной воде. В целом все было почти как на той картинке.

За одним исключением.

Одинокая фигура стояла на мосту с внешней стороны ограды. Мужчина, весь в черном, судорожно вцепившись в перила, безотрывно смотрел вниз, на реку – холодную, стремительную, обманчивую.

На ступеньках со стороны набережной Веллингтона собралась небольшая толпа. Все они глазели на человека на мосту. Я примкнула к ним, в голове метались бессвязные мысли, и вдруг я поняла, что подумал Рой Салливан, когда в него во второй раз ударила молния: «Как, опять?!»

Кто-то вызвал полицию, и все обсуждали, как скоро они приедут и успеют ли вовремя. Затем принялись спорить, что надо делать. А у меня перед глазами стояло искажившееся лицо Саймона, когда он вдруг схватил пистолет. Что-то перещелкнуло у него в сознании. Было ли это связано с тем, что я ему сказала? Я не помнила дословно наш разговор, так что нельзя исключать, что это моя вина. А потом оно стало пустым, отрешенным, и он нажал на спуск. Я подумала о его дочках, совсем еще маленьких, которые не понимают, почему папа все спит и не просыпается. Затем посмотрела на мужчину на мосту и представила, сколько судеб изменится и как будут потрясены его близкие, потому что он решил положить конец своим страданиям и не нашел для себя никакого иного выхода.

Неожиданно я ощутила резкий выброс адреналина, и в голову пришло единственно возможное решение. Выбора нет: я должна спасти этого человека на мосту.

На этот раз я буду действовать по-другому. После урока Саймона Конвея я прочитала несколько книг, пытаюсь понять, что сделала не так и можно ли было переубедить его. Первый шаг – сосредоточиться на нем одном, не обращать внимания на суету вокруг. Рядом со мной трое мужчин заспорили о том, что надо предпринять, но толку от подобных рассуждений ноль. Я встала на первую ступеньку моста. И твердо себе сказала, что смогу это сделать. Откуда-то пришли уверенность и спокойствие.

Ледяной ветер хлестнул меня по щеке, словно говорил: «Очнись! Будь наготове!» От холода ломило уши, лицо заоченело, и я начала хлюпать носом. Вода в Лиффи сильно поднялась – черная, мрачная, враждебная. Я мысленно отсоединилась от людей, выжидательно наблюдавших с берега, и постаралась не думать о том, что каждое мое слово и даже прерывистый вздох ветер может донести до их жадных ушей. Теперь я видела его совсем ясно: мужчина в черном стоял по ту сторону ограды, на узеньком неудобном выступе, изо всех сил вцепившись в перила. Возвращаться было уже поздно.

– Привет, – сказала я мягко, чтобы он с испугу не свалился в воду.

Из-за ветра приходилось говорить погромче, но голос мой звучал спокойно и ровно. Я все время помнила, что советуют в книгах: избегайте резких интонаций и постарайтесь наладить зрительный контакт.

– Пожалуйста, не бойтесь, я не собираюсь вас трогать.

Он обернулся посмотреть на меня, а затем снова устремил взгляд вниз, напряженно вглядываясь в черную воду. Было ясно, что мне не удалось отвлечь его от того, о чем он думает, он был слишком погружен в свои мысли, чтобы обратить на меня внимание.

– Меня зовут Кристина. – Я медленно, потихоньку подошла чуть ближе. Остановилась у ограды так, чтобы видеть его лицо.

– Не приближайтесь ко мне! – крикнул он, охваченный внезапной паникой.

Я остановилась. Слава богу, он совсем рядом – на расстоянии вытянутой руки. Если этого будет никак не избежать, я сумею дотянуться и схватить его.

– Все, все, стою здесь.

Он опять оглянулся, чтобы понять, насколько я близко.

– Осторожней. Я не хочу, чтобы вы упали в воду.

– Упал?

Он быстро взглянул на меня, потом опять вниз, снова на меня, и наши взгляды встретились.

Ему лет тридцать, подумала я. Твердо очерченный подбородок, волосы спрятаны под черной шерстяной шапкой. Большие перепуганные глаза, зрачки такие огромные, что синей радужки почти не видно. Под наркотиками или пьяный?

– Вы шутите? Думаете, я что, боюсь упасть? Вы считаете, я сюда случайно попал?

Он отвернулся и попробовал выкинуть меня из головы, сосредоточенно глядя в воду.

– Как вас зовут?

– Отстаньте, – отрезал он, а потом тихо добавил: – Пожалуйста.

Ему так плохо, а он проявляет вежливость.

– Не могу же я равнодушно на это смотреть. Понятно, у вас что-то случилось. Я хочу помочь.

– Не нужна мне ваша помощь.

Он перестал обращать на меня внимание и упорно смотрел вниз, в воду. Я видела, что костяшки пальцев у него то бледнели, когда он ослаблял хватку, то краснели, когда снова брался покрепче. Всякий раз, как он немного разжимал пальцы, сердце у меня начинало биться как безумное, я боялась, что он

разомкнет их вовсе. Времени у меня совсем мало.

– Давайте поговорим. – Я придвинулась на полшажка.

– Пожалуйста, уходите. Оставьте меня одного. А этого всего не надо. Я не собираюсь устраивать спектакль, я хочу просто взять и сделать это. В одиночестве. Не думал, правда, что... это будет так долго. – Он нервно сглотнул.

– Послушайте, никто к вам не подойдет, никто вас не тронет. Так что не надо никакой паники, не дергайтесь, а спокойно все обдумайте. Времени у нас полно. Все, о чем я прошу, это чтобы вы со мной поговорили.

Он молчал. Я мягко задала еще несколько вопросов, но ответа не получила. Я была готова выслушать его, готова произнести разумные, правильные слова, но он молчал, и это сбивало с толку. С другой стороны, он пока не прыгнул, а это уже немало.

– Скажите хотя бы, как вас зовут.

Никакого ответа.

И снова передо мной возникло лицо Саймона, он смотрел мне в глаза и жал на спуск. На меня накатило отчаяние, хотелось кричать, выть и рыдать от бессилия. Но этого нельзя, ни в коем случае. Ужас охватывал меня все сильнее. Я была на грани – еще немного, и я бы сдалась, развернулась и пошла обратно к небольшой толпе зевак, сказать им, что я не смогла, что я не хочу быть в ответе еще за одного человека. И тут он сказал:

– Адам.

– Вот как. – Мне слегка полегчало, наконец-то он откликнулся.

В памяти всплыл совет из книжки: надо напомнить человеку, который решил покончить с собой, что есть те, кому он дорог, кто – понимает он это или нет – его любит, но я боялась, как бы мои слова не вызвали обратную реакцию. А что, если он здесь как раз из-за них или потому, что считает себя для них обузой?

Я лихорадочно соображала, что делать дальше. В справочниках было множество разных указаний на этот счет, но мне сейчас важно одно – помочь ему.

– Я хочу помочь вам, Адам, – в итоге сказала я.

– Напрасно.

– Ну вам же есть что сказать, вот и скажите мне. – Важен позитивный настрой. Слушайте внимательно, не говорите «не делай», не говорите «не сможешь». Я быстро перебирала в уме все, о чем читала. Ошибиться нельзя. Ни в одном слове.

– Вам меня не отговорить.

– Сейчас вам кажется, что это единственный выход, но, если вы мне позволите, я смогу показать, что есть много других, куда лучше. Вы очень устали – давайте я вам помогу. Перелезайте сюда, и мы вместе найдем подходящее решение. Возможно, его трудно углядеть так сразу, но оно существует. Всегда есть варианты. Однако здесь не самое подходящее место, перебирайтесь на мост, и мы все обсудим.

Он не отвечал. Он просто смотрел на меня, и я узнала этот взгляд. У Саймона было такое же выражение.

– Простите.

Он уже почти не держался за перила, согнулся и сильно наклонился вперед.

– Адам!

Я рванулась к нему, просунула руки сквозь прутья ограды и крепко обхватила его, с такой силой, что его буквально припечатало к ограждению. Моя грудь тесно прижалась к его спине, я уткнулась в черную шерстяную шапочку, зажмурилась и напряглась в ожидании. Если он начнет вырываться, то надолго меня не хватит, и он, конечно, это понимает. Ну, черт побери, может быть, кто-то из толпы догадается прийти мне на помощь? И где же полиция, я с готовностью уступлю место профессионалам! Мне это все не по силам,

и о чем я только думала, когда в это ввязалась? Стоя с закрытыми глазами, я невольно вдыхала его запах – отчетливый аромат крема после бритья, точно он только что вышел из ванной. Так пахнет тот, кто полон жизни, кто собрался куда-то по делам, а вовсе не прыгать с моста. И тело у него живое, сильное, мне с трудом удалось сомкнуть руки на его широкой груди. Нет, я ни за что его не выпущу, ни за что.

– Что вы творите? – спросил он, тяжело, прерывисто дыша.

Я оглянулась и посмотрела на людей, столпившихся у входа на мост. Потом на набережную – нет, ни полицейских машин, ни желающих броситься мне на помощь. Ноги у меня дрожали, словно это я собиралась прыгнуть в темную воду Лиффи.

– Не делайте этого, – прошептала я и расплакалась. – Пожалуйста, не надо.

Он попытался обернуться, чтобы посмотреть на меня, но я стояла прямо за ним, и он не мог увидеть мое лицо.

– Вы что... вы плачете?

– Да. – Я шмыгнула носом. – Пожалуйста, не делайте этого.

– Господи. – Он снова попытался оглянуться и посмотреть на меня.

Я расплакалась еще сильнее, не в силах сдержать горькие всхлипы. Плечи ходили ходуном, а руки по-прежнему сжимали его изо всех сил.

– Какого черта? – Он слегка подвинулся и встал вдоль выступа, чтобы иметь возможность повернуть голову и видеть мое лицо.

Наши взгляды встретились.

– Вы... с вами все в порядке? – Он немного смягчился и, похоже, вышел из состояния транса.

– Нет. – Я пыталась успокоиться и перестать плакать. Хотелось вытереть нос, из которого ручьем лило, но я боялась отпускать его.

– Я вас знаю? – Он растерянно всматривался в меня, удивляясь, чего я так из-за него переживаю.

– Нет. – Я снова шмыгнула носом. И обхватила его покрепче. Так крепко мои руки не обвивали никого уже давным-давно, с самого детства, с тех пор как умерла мама.

Он глядел на меня как на сумасшедшую, точно из нас двоих он в здравом уме, а я спятила. Мы стояли почти нос к носу, он пристально изучал меня, как будто выискивал что-то большее, чем видно глазами.

И вдруг наше единение нарушилось. Какая-то сволочь с набережной громко крикнула: «Прыгай!» И он с отчаянной злостью начал выдираться из моих рук.

– Пустите меня, – прохрипел он, яростно пытаюсь высвободиться.

– Нет. – Я помотала головой. – Пожалуйста, послушайте... – Я помолчала, выбирая слова. – Все не так, как вы себе представляете.

Я посмотрела вниз, в черную холодную воду, и попыталась увидеть ситуацию его глазами, ощутить то, что ощущал он. Как же все должно быть паршиво, чтобы человек захотел покончить с проблемами таким способом.

Он больше не отпихивал меня и слегка повернулся ко мне.

– Вы не хотите перестать жить, вы хотите, чтобы вас отпустила боль, которая мучает вас непрерывно, и сейчас тоже. Может быть, никто из близких этого не понимает, но поверьте, я понимаю вас на все сто. – Глаза его наполнились слезами, мне удалось зацепить его. – Но ведь эта мысль, она не постоянно сидит у вас в голове, а приходит и уходит. Это уже вошло в привычку – думать о том, что вы можете покончить со всем одним махом. Но ведь бывает, что вы думаете по-другому. Правда?

Он внимательно смотрел на меня, ловя каждое слово.

– Это лишь мгновение, и больше ничего. Мгновение пройдет. Если вы его преодолеете, то потом вам не захочется расставаться с жизнью. Вы, вероятно, считаете, что всем наплевать или что они как-нибудь переживут и без вас. Может быть, даже думаете, что они будут только рады. Это не так. Никто на самом деле не желает другому смерти. Да, иногда кажется, что выхода нет, но он есть, есть. Вы сможете его отыскать. Перелезайте обратно, и давайте обо всем поговорим здесь. Что бы там ни было, справиться можно с чем угодно. А это просто одно из мгновений жизни, ничего больше. – По щекам у меня текли слезы.

Он нервно вздохнул и мрачно, напряженно уставился вниз, словно взвешивал все за и против, решая, жить или умереть. Краем глаза я посмотрела сперва на набережную Веллингтона, а потом на противоположный берег, но с обеих сторон по-прежнему не было видно ни полиции, ни желающих помочь мне. Впрочем, на данном этапе меня это даже порадовало. Мне удалось вовлечь его в разговор, и я не хотела, чтобы его что-нибудь отвлекло и заставило переключиться, он мог опять впасть в панику и сделать непоправимый шаг. Мы молчали. Я думала, что мне ему еще сказать, какую тему можно затронуть без опаски, чтобы потянуть время до приезда профессиональных спасателей. Главное – не произнести ничего лишнего, ничего, что могло бы его встревожить. И тут он заговорил сам:

– Я читал, что один парень прыгнул здесь в прошлом году. Пьяный был, решил искупаться, но зацепился ногой за тележку, знаете, из супермаркета... как она в реку-то попала... и его понесло течением. Так и не выпутался, утонул. – Голос его срывался от волнения.

– По-вашему, звучит заманчиво?

– Нет. Но зато потом все будет кончено. Помучился, и кончено.

– Или это станет началом новых мучений. Стоит вам оказаться в воде, как вы немедленно впадете в панику, потому что вопреки своему намерению умереть все равно захотите жить. И станете бороться за жизнь. Это инстинкт, это заложено очень глубоко внутри. Жажда жизни – сильная вещь. Вы захотите вдохнуть воздух, а легкие будут заполняться водой, вас начнет утягивать на дно, и, как бы вы ни стремились подняться, ничего не выйдет. Но на берегу полно народу, очень вероятно, что кто-нибудь нырнет за вами и вытащит вас. Думаете, будет уже поздно? Совсем не обязательно. Вы можете отключиться, потерять сознание, но сердце еще будет работать. Вам сделают искусственное

дыхание, откачают воду из легких, и... вы будете спасены.

Его трясло, и не только от холода. Я чувствовала, что мышцы его слегка расслабились и обмякли.

– Я хочу покончить с этим. – Голос его дрожал. – Это тяжело.

– Что тяжело?

– Конкретно? Жить. – Он слабо рассмеялся. – Хуже всего по утрам, когда проснешься. И так каждый день.

– Может, поговорим об этом где-нибудь в другом месте? – предложила я, потому что он снова напрягся. Наверное, это была не лучшая идея – начать обсуждать его проблемы, пока он висит над рекой с той стороны моста. – Я хочу подробно во всем разобраться, так что давайте отсюда уйдем.

– Слишком тяжело. – Он закрыл глаза и говорил скорее сам с собой. – Теперь уже ничего не изменишь. Слишком поздно. – Он произнес это тихо и обреченно, а потом откинул голову назад и прижался затылком к моей щеке. Мы были странно близки для незнакомцев.

– Никогда не поздно. Поверьте, ваша жизнь может измениться. Вы можете ее изменить. А я вам помогу, – негромко, почти что шепотом ответила я. Он прекрасно меня слышал, ведь мои губы были совсем рядом с его ухом.

Он обернулся и посмотрел на меня. Мы безотрывно глядели друг другу в глаза, и я видела, как ему больно и страшно.

– А что будет, если это не сработает? Если ничего не изменится, как вы обещаете?

– Изменится.

– Но если нет?

– Я вам точно говорю – изменится.

Да уведи ты его с этого моста, Кристина!

В задумчивости он мрачно выставил вперед подбородок.

– Так вот, если не изменится, клянусь, я это сделаю. Не здесь, но я найду способ, потому что жить, как я живу, невозможно.

– Прекрасно, – уверенно заявила я. – Если ваша жизнь не изменится, вам решать, что делать. Но говорю вам точно, вы справитесь. Вот увидите. Мы с вами вместе сумеем это сделать, вы поймете, что жить чудесно. Я обещаю.

– Ладно, я принимаю ваши условия, – прошептал он.

Мне вдруг стало страшно. Получается, я заключаю с ним сделку, что вовсе не входило в мои намерения, но я не собиралась обсуждать это с ним прямо там. Я устала. И просто хотела, чтобы он наконец сошел с моста. А еще я хотела забраться в постель, укрыться с головой и ни о чем не думать.

– Вам придется меня отпустить, чтобы я мог перелезть обратно.

– Нет. Я вас не отпущу. Ни за что.

На губах его мелькнула улыбка, еле заметная, но все же.

– Слушайте, я же хочу обратно на мост, а вы теперь меня не пускаете.

Ограда довольно высокая, уцепиться особо не за что, подумала я. К тому же он страшно измотан. Это слишком опасно.

– Подождите, я позову кого-нибудь, чтобы вам помогли.

Я медленно убрала одну руку – у меня не было полной уверенности, что он сдержит свое слово.

– Я сюда забрался сам, сам и обратно перелезу, – решительно заявил он.

- Не нравится мне эта идея, давайте все-таки позовем кого-нибудь.

Но он не обратил никакого внимания на мои слова. Я со страхом наблюдала, как он осторожно старался повернуться лицом к ограде. Наконец ему это удалось. Выступ, на котором он стоял, был совсем узкий, при каждом его неловком движении меня захлестывал ужас. Я не могла ни отвернуться, ни помочь ему. Несколько раз я готова была заорать, зовя на помощь, но боялась, что он испугается и от неожиданности сорвется вниз. Как назло, ветер усилился, стало еще холоднее. Он напряжился, занес левую ногу и поставил ее на внешние перила, потянулся, чтобы перехватиться правой рукой повыше, и тут нога, на которой он стоял, соскользнула с выступа. Толпа ахнула - он повис на одной руке. Я успела схватить его за рукав. В этот момент в глазах его я увидела неподдельный страх, что тогда еще больше напугало меня, но потом, вспоминая об этом, поняла, что именно его страх придал мне сил - человек, всего пару минут назад мечтавший свести счеты с жизнью, теперь боролся за нее.

Я помогла ему подтянуться. Он прижался к решетке, закрыл глаза и глубоко, всей грудью вдыхал ночной морозный воздух. Я еще не успела толком прийти в себя, как увидела торопливо направлявшегося к нам детектива Магуайра. Вид у него был весьма грозный.

- Он хочет вернуться на мост, - пролепетала я.

- Это я вижу, - буркнул он и отодвинул меня в сторону.

Я не стала смотреть, как Магуайр помогал Адаму перебраться через верхние перила. Едва он оказался на мосту, мы оба обессиленно опустились прямо на асфальт.

Адам сидел, прислонясь спиной к ограде, а я напротив него. Чтобы справиться с головокружением, я уткнулась лицом в колени и стала глубоко дышать.

- Вы в порядке? - встревожился он.

- Ага. - Я закрыла глаза. - Спасибо.

- За что?

– За то, что не спрыгнули.

Он поморщился. Во всей его позе читалось крайнее утомление.

– Рад стараться. Похоже, для вас это значит больше, чем для меня.

– Я это оценила. – Мне удалось улыбнуться, но губы дрожали.

– Простите, не расслышал, как вас зовут.

– Кристина.

– Адам.

Он привстал и протянул мне руку. Я в ответ протянула свою, и он крепко пожал ее, пристально глядя мне в глаза.

– О'кей, Кристина, надеюсь, я не зря вам поверил и вы сумеете мне это доказать... до моего дня рождения. Это конечный срок.

Конечный? Меня пробрал озноб. Он говорил мягко, но прозвучало это как угроза. На меня вдруг навалилась страшная слабость, я подумала, что совершила глупость, согласившись на его условия. Что же я наделала?

Мне хотелось отказаться, взять свои слова обратно, а вместо этого я невольно кивнула. Он еще раз сжал мою руку, коротко встряхнул ее и затем отпустил.

Глава V

Как перевести отношения на новый уровень

Что вы там, черт подери, делали? – прорычал Магуайр, нависая прямо надо мной.

- Попыталась помочь.

- А его вы откуда знаете?

Он имел в виду: и его тоже.

- Да я его не знаю.

- Ну и что здесь произошло?

- Я просто шла мимо и увидела, что человек в опасности. Мы боялись, что вы не успеете вовремя, вот я и решила с ним поговорить.

- Тем более что в прошлый раз вам это блестяще удалось, - ехидно заметил он, но потом, похоже, пожалел, что не сдержался. - Кристина, вы серьезно считаете, что я вам поверю? Вы «просто шли мимо»? Второй раз за один месяц? Думаете, я поверю в такое совпадение? Если вы играете в какие-то дурацкие игры...

- Нет. Я всего лишь оказалась не в том месте и не в то время. И подумала, что смогу помочь. - Его манера разговаривать меня разозлила, поэтому я добавила: - Что, я не помогла? Я вытащила его оттуда.

- Да уж. - Он фыркнул и принялся ходить передо мной взад-вперед.

Адам издали бросал на меня встревоженные взгляды. Я слегка ему улыбнулась.

- Не вижу ничего смешного.

- Я не смеюсь.

Он уставился на меня, решая, что со мной делать.

- Расскажите мне все от начала до конца в участке, подробно.

- Но я же не сделала ничего плохого!

– Кристина, вы не арестованы. Мне нужно снять с вас показания, чтобы составить рапорт.

Он пошел к машине, уверенный, что я последую за ним.

– Вы не можете ее забрать, – запротестовал Адам. Вид у него был совсем измученный.

– Да вы о ней не беспокойтесь.

Магуайр говорил с Адамом другим, гораздо более мягким тоном. Я и не подозревала, что он на это способен.

– Благодарю, со мной все в порядке, я сам справлюсь, – заверил Адам Магуайра, когда тот хотел помочь ему сесть в машину. – Это было минутное затмение. Сейчас все отлично. Мне бы лучше всего поехать домой.

Магуайр пробормотал нечто сочувственное, но тем не менее подпихнул его в машину, невзирая на его возражения. В разных машинах нас с Адамом доставили в полицейский участок на Пирс-стрит, и там мне пришлось повторить свой рассказ. Магуайр явно так до конца и не поверил, что я говорю правду. Точнее, он видел, что я о чем-то умалчиваю. Но я не могла заставить себя рассказать ему об истинных причинах, которые привели меня на мост Хафпенни и на заброшенную стройку. Затем Магуайра сменила приятная дама средних лет, но и ей я не поведала всей правды.

Час спустя Магуайр сообщил мне, что я свободна.

– А что с Адамом?

– Адам уже не ваша забота.

– Да, но где он?

– Его обследует психолог.

– И когда я могу его увидеть?

– Кристина! – грозно, чтобы я от него отстала, рыкнул он.

– Что?

– Я вам говорил, что не надо лезть не в свое дело? Говорил. Снаружи стоит такси. Поезжайте домой. Хорошенько отоспитесь. И не ищите на свою голову неприятностей.

Пришлось мне, что называется, покинуть помещение. Было уже за полночь, мороз пробрал меня до костей. На улице не было ни души, только одинокое такси терпеливо дожидалось рядом с участком. Передо мной возвышалось здание Тринити-колледжа, пустое, темное, много чего повидавшее на своем веку. Не знаю, сколько я там простояла, пытаюсь хоть как-то прийти в себя и привести в порядок хаотические мысли, когда дверь позади меня открылась, и я угадала, что это Магуайр, еще до того, как он заговорил.

– Вы все еще здесь.

Это было очевидно, так что я молча смотрела на него.

– Он про вас спрашивал.

Я воспрянула духом.

– Сейчас его домой не отпустят, до утра он побудет под наблюдением. Я ему дам ваш телефон?

Я кивнула.

– Садитесь в такси, Кристина. – Магуайр сопроводил этот приказ таким грозным взглядом, что я немедленно направилась к машине.

Приехала домой.

Как ни странно, спать не хотелось. Я пошла на кухню, сделала себе кофе и долго сидела, глядя на свой телефон. Интересно, Магуайр дал Адаму правильный номер? В семь утра, когда с улицы уже отчетливо доносился шум проезжавших машин, я начала клевать носом. Через пятнадцать минут будильник известил, что пора вставать на работу. Адам не проявлялся целый день, а в шесть, когда я вырубилась компьютером, чтобы идти домой, зазвонил телефон.

Мы договорились встретиться у Хафпенни, наверное, потому что это было единственное, что нас связывало, но оказаться там всего сутки спустя после вчерашнего, как выяснилось, не слишком приятно. Он не поднялся на мост, а стоял на набережной Холостяков, опершись локтями на ограду металлической решетки, и смотрел на реку. Дорого бы я дала, чтобы узнать, о чем он думает.

– Адам.

Он обернулся на мой голос. Одет, как вчера: черный дафлкот и черная шапка. Руки глубоко в карманах.

– Вы в порядке? – спросила я.

– Да, конечно. – А вид несколько ошарашенный. – Все отлично.

– Куда они вас отправили вчера ночью?

– Сначала задали пару вопросов в участке, потом отвезли в отделение «Скорой помощи» на психологическое обследование. Я выдал блестящий результат. – Он ухмыльнулся. – Вообще-то я хотел встретиться, чтобы лично сказать вам спасибо. – Он переступил с ноги на ногу. – Вот, говорю: спасибо вам.

– Да ладно. В смысле рада помочь.

Я растерялась – не знала, пожать ему руку или обнять. Все говорило о том, что он бы предпочел побыстрее остаться один.

Он кивнул мне на прощание и пошел через дорогу к перекрестку с Нижней Лиффи-стрит, даже не посмотрев по сторонам. Машина, под колеса которой он

чуть не попал, яростно засигналила, но он не обратил на это никакого внимания и двинулся дальше.

– Адам!

Он оглянулся.

– Я ее не заметил. Честно.

Тут я поняла, что нельзя оставлять его одного. Врачи, может, ему и поверили, но я с него глаз не спущу. Я нажала кнопку светофора[1 - В Дублине, чтобы перейти улицу, надо нажать кнопку светофора и ждать, когда загорится зеленый свет для пешеходов, даже если машины в этот момент остановились на красный.], чтобы перейти на ту сторону, однако ждать было слишком долго, а я боялась потерять Адама из виду. И, заметив небольшой просвет между машинами, ринулась через дорогу. Еще один водитель рассерженно загудел. Я почти нагнала его, но потом решила, что лучше держаться на некотором расстоянии. Он свернул направо, на Среднюю Эбби-стрит, и, как только он скрылся за углом, я рванула бегом. Однако Адама и след простыл – будто он растворился в воздухе. Куда он мог деться? Уже поздно, все закрыто, зайти ему некуда. Я металась по темной улице, проклиная себя за то, что потеряла его. Черт, я ведь даже телефон у него не взяла. И вдруг – прямо мне в ухо раздалось негромкое:

– Бу-у!

Видимо, он затаился в тени домов.

Я так и подскочила, а он сохранял полную невозмутимость.

– Господи, Адам! Вы что, хотите, чтоб у меня был сердечный приступ?

Он явно забавлялся.

– А вы перестаньте за мной следить, юная мисс Марпл.

Я покраснела, но понадеялась, что в темноте он этого не заметит.

– Мне надо было убедиться, что с вами все в порядке. Но не хотелось вам глаза мозолить.

– Я же сказал вам, у меня все отлично.

– А мне так не кажется.

Он отвернулся и усиленно заморгал. Я видела, что глаза у него подозрительно заблестели.

– Я должна быть уверена, что с вами ничего не случится. Не могу я вас бросить одного. Вы собираетесь обратиться к кому-нибудь за помощью?

– Да чем все эти душеспасительные беседы на самом деле могут помочь? Они не изменяют того, что происходит.

– А что происходит?

Он развернулся и пошел в сторону О'Коннелл-стрит.

– О'кей, вы не обязаны мне рассказывать. Но вы хотя бы рады теперь, что не прыгнули с моста?

– Безусловно. Это была большая ошибка. Я жалею, что пошел туда.

Я улыбнулась.

– Ну вот видите. Это хорошо – уже шаг в правильном направлении.

– Мне надо было пойти во-о-он туда.

Он посмотрел на шестнадцатипятиэтажную башню Либерти-Холла, самое высокое здание в центре Дублина.

– Когда у вас день рождения? – спросила я, вспомнив наш с ним уговор.

Он едва не рассмеялся.

– Куда вы идете? – Я с трудом поспевала за ним. Руки и ноги у меня совсем заоченели, так что, надо надеяться, он не собирается бесцельно бродить по городу. Впрочем, похоже как раз на то. Интересно, уж не выбрал ли он новый способ покончить с собой (а заодно и со мной) – замерзнуть до смерти?

– Я остановился в отеле «Грэшем». – Он махнул рукой на 120-метровую Дублинскую иглу[2 - Дублинская игла (официальное название «Монумент света») – стальной памятник в форме иглы, возведенный в 2003 году на месте взорванного в 1966 году боевиками ИРА памятника адмиралу Нельсону.] в конце О'Коннелл-стрит. – А вот еще можно было совершить затажной прыжок и приземлиться прямо на нее. Пришпилился бы как бабочка.

– Мило. У вас мрачноватое чувство юмора, сколько я успела заметить. Не вполне здоровое.

– Хорошо, что врачи «Скорой помощи» этого не заметили.

– Как это они вас так быстро отпустили?

– Я покорила их своим жизнерадостным задором, – невозмутимо сообщил он.

– Вы их обманули, – обвиняюще констатировала я. Адам пожал плечами. – А где вы живете?

Он помолчал, потом сообразил, о чем я.

– Последнее время – в Типперэри.

– А в Дублин приехали специально, чтобы?..

– Прыгнуть с моста Хафпенни? – Я его опять позабавила. – Ну и самомнение у дублинцев. Думаете, больше по всей стране и моста хорошего не найти? Уверяю вас, их полным-полно. Нет, я приехал повидать кое-кого. – Мы подошли к отелю, и Адам развернулся ко мне: – Ну, спасибо еще раз. За то, что спасли мне жизнь. Как лучше-то, не знаю... приобнять вас, наверное, или неловко чмокнуть

в щечку... о, придумал! – Он поднял руку, и я изумленно округлила глаза, а потом сообразила, что это он в смысле «дай пять», и хлопнула его по ладони.

Потом замялась, не зная, что ему сказать. Удачи? Всего наилучшего?

Он тоже не мог ничего придумать, а потому снова принялся острить:

– Мне бы следовало наградить вас медалью «За спасение на водах». Или хоть значком.

– Честно говоря, я бы не хотела сейчас оставлять вас одного.

– День рождения у меня через две недели. За это время ничего нельзя изменить, но я все равно признателен вам.

– Нет, можно. – Я сказала это с уверенностью, которой вовсе не ощущала. Две недели? Я-то надеялась, что впереди еще около года, но что ж поделаешь, раз так, значит, так. – Я возьму отпуск, тогда мы сможем видеться каждый день. С этим проблем не будет!

Он насмешливо поднял брови:

– Я бы, честно сказать, предпочел побыть один.

– Да, и покончить с собой.

– Нельзя ли потише, – сердито шикнул он, когда несколько прохожих подозрительно на нас покосились. – Ну, еще раз, спасибо вам, – уже с минимальным воодушевлением поблагодарил он.

А затем, оставив меня на тротуаре, исчез за вращающейся дверью отеля. Подождав, пока он пересек вестибюль, я последовала за ним. Так просто ему от меня не избавиться. Он зашел в лифт, и в последнюю секунду, когда двери уже закрывались, я успела заскочила внутрь. Он бросил на меня безучастный взгляд и нажал кнопку.

Мы поднялись на последний этаж. Оказалось, он живет в пентхаусе, в номере Грейс Келли. Войдя в гостиную, я подумала, что попала в сад, такой там стоял аромат. А потом поняла, в чем дело. Дверь в спальню была открыта, и я увидела, что постельное покрывало сплошь усыпано лепестками роз. В изножье кровати стояло серебряное ведро с шампанским и двумя фужерами крест-накрест. Адам посмотрел на постель и резко отвернулся, точно ее вид оскорблял его чувства. Подошел к письменному столу и взял какой-то листок.

- Ваша предсмертная записка? Чтоб было понятно, что это самоубийство?

Он поморщился.

- Вам обязательно произносить это слово?

- А что, по-вашему, я должна сказать?

- До свидания, Адам, приятно было познакомиться.

Он скинул с плеч дафлкот прямо на пол, затем снял шапку и запустил ее в воздух, так что она чудом не попала в огонь, весело горевший в мраморном камине. После чего в изнеможении рухнул на диван.

Я удивленно на него таращилась: не ожидала, что он блондин, да еще такой красавец.

- Что? - в недоумении спросил он.

Я уселась на диване напротив него, сняла пальто и перчатки. Может, я наконец согреюсь - от камина шло уютное тепло.

- Можно мне прочитать записку?

- Нет. - Он торопливо сложил листок.

- Почему вы ее не порвете?

– Потому. – Он убрал записку в карман. – Это сувенир. На память о моей поездке в Дублин.

– Вы не слишком остроумны.

– Да, и в этом я не преуспел.

Я огляделась, оценивая обстановку, и попыталась вычислить ситуацию.

– Вы кого-то ждали сегодня вечером?

– Конечно. У меня всегда наготове шампанское и розы для хорошеньких барышень, которые снимают меня с мостов.

С моей стороны было очень глупо – и я знала, что это глупо, – радоваться, что он назвал меня хорошенькой. Но ничего не могла с собой поделать.

– Понятно, к вам вчера кто-то должен был прийти.

Я внимательно за ним наблюдала. Несмотря на все его шуточки и внешнюю самоуверенность, было ясно, что ему очень невесело.

Он встал и подошел к телевизору, открыл дверцы тумбы, на которой он стоял, и там обнаружился мини-бар.

– Не думаю, что выпивка – такая уж хорошая идея.

– Может, я минералки хочу, – обиженно сказал он, и я смутилась. Он достал бутылку «Джека Дэниэлса» и вернулся на диван, мимоходом бросив на меня ироничный взгляд.

Я ничего не сказала, но отметила, что руки у него дрожали, когда он наливал себе виски. Некоторое время я молча сидела и смотрела на него, наконец не выдержала и тоже налила себе стакан, но с содовой. Я заключила соглашение с человеком, который пытался покончить с собой, потом пошла за ним в отель, почему бы мне с ним не выпить? Если бы существовал свод правил, обязательных для морально устойчивых, добропорядочных граждан, то на мне

клейма негде было бы ставить, так что к черту правила. К тому же я промерзла до костей и мне требуется что-нибудь горячительное. Я отпила глоток, и виски обожгло мне гортань, а потом и желудок. Чудесное ощущение.

- Моя девушка, - вдруг сообщил он ни с того ни с сего.

- И что с ней?

- Это она должна была прийти сюда вчера вечером. Я приехал в Дублин, не предупредив ее, хотел сделать сюрприз. Она все жаловалась, что я уделяю ей мало внимания. Не хожу с ней в гости и все такое. - Он с силой потер лицо. - Говорила, что наши отношения складываются неправильно. «Под угрозой», так она выражалась.

- Вы приехали в Дублин, чтобы их наладить? - Я была очень рада, что хоть немного удалось о нем узнать. - И что случилось?

- Она была с другим. - Он мрачно выпятил подбородок. - В ресторане «Милано». Сказала, что пойдет туда с подружками. Мы там рядом снимаем квартиру на набережной, но в последнее время я был в Типперэри... В общем, она была не с подружками, - с горечью произнес он, разглядывая остатки виски в своем стакане.

- Откуда вы знаете, может, они с этим парнем просто друзья?

- Да уж, они друзья. Я же их и познакомил. Ее и моего лучшего друга Шона. Они держались за руки через стол. Даже не заметили, как я зашел в ресторан. Она не ждала, что я приеду, думала, я все еще в Типперэри. Я спросил, правильно ли все понял. Они не отпирались.

Он пожал плечами.

- Что вы сделали?

- А что я мог сделать? Ушел оттуда, ощущая себя последним идиотом.

- Вам не хотелось врезать этому Шону?

- Не-а. - Он устало откинулся на спинку дивана. - Я знал, что мне надо делать.

- Совершить самоубийство?

- Вы перестанете говорить это слово?

Я промолчала.

- Ну врезал бы я ему, и что хорошего? Скандал устроил бы? Чтобы выглядеть уже окончательным придурком?

- Зато вам бы полегчало.

- Вот как, вы сторонница насилия? - Он покачал головой. - А если бы я набил ему морду, вы бы спросили, почему я не пошел домой пешком, как раз бы проветрился и подостыл малость.

- Набить морду так называемому другу, который этого явно заслуживал, куда лучше, чем самоубийство. Вышли бы из ситуации победителем.

- Да перестаньте вы наконец повторять это слово. Господи боже мой.

- Но вы именно это и пытались сделать, Адам.

- И сделаю это снова, если вы нарушите обещания, которые мне дали! - закричал он.

Я не ожидала, что он так разозлится. Он вскочил, распахнул застекленную дверь и вышел на балкон, откуда открывался вид на О'Коннелл-стрит и северную сторону города.

Я была уверена, что Адам решил прыгнуть с моста отнюдь не только из-за своей девушки, наверняка были и другие причины. А ее измена просто окончательно разрушила его душевное равновесие, но сейчас не лучший момент, чтобы выяснять подробности. Он очень напряжен, да и вообще мы оба устали. Спать надо ложиться, вот что сейчас самое разумное.

Он не возражал. Не оборачиваясь ко мне, пробурчал с балкона:

– Вы можете лечь в спальне, а я здесь на диване, – и, когда я промолчала в ответ, обернулся и добавил: – Я так понял, вы решили остаться?

– Вы не против?

Он пожал плечами:

– Да нет, в общем, это даже лучше.

Потом опять отвернулся и молча стал смотреть на расстилавшийся внизу город.

Мне было что ему сказать и насчет сегодняшнего дня, и вообще. Я бы сумела найти верные слова, которые поддержали бы его. В книгах, служивших моим подспорьем, бодрых фраз – за грош десятков. Только сейчас все это ни к чему. Если я хочу и вправду помочь ему выкарабкаться, надо научиться не только выбирать что сказать, но и когда.

– Спокойной ночи, – пожелала я ему в спину и пошла в спальню.

Но дверь в комнату оставила приоткрытой – мне не нравилось, что там балкон, – и сквозь щелку наблюдала за ним. Вскоре он вернулся в гостиную, лениво стянул свитер через голову и остался в одной футболке. Уже можно было бы мне и перестать пялиться на его мускулистые плечи, но я убеждала себя, что поступаю правильно: вдруг он захочет удушиться свитером. Он лег, и стало ясно, что диван коротковат, ему пришлось положить ноги на спинку, и я пожалела, что заняла его кровать. Только я собралась ему об этом сказать, как он заговорил сам.

– Интересное шоу? – спросил он, лежа с закрытыми глазами и подложив руки под голову.

Я покраснела до ушей, в ужасе закатила глаза и быстренько ринулась в кровать. Огромная, с балдахинем, конструкция не издала ни звука, но фужеры в ведерке звякнули, а растаявший лед плесканул на покрывало. Я убрала ведерко на стол и потянулась за клубничной в шоколаде, как вдруг увидела рядом с коробкой

изящную открыточку с надписью: «Моей прекрасной невесте. С любовью, Адам». Значит, он приехал в Дублин, чтобы сделать ей предложение. Недолго думая я положила ее в карман.

Ночь, когда Саймон Конвей попытался застрелиться, а потом я сообщила мужу, что ухожу от него, показалась мне самой длинной в моей жизни.

Я ошибалась.

Глава VI

Как заставить себя расслабиться и немного поспать

Я не могла заснуть. Последние четыре месяца у меня бессонница, с тех пор как я поняла, что хочу уйти от мужа, и стала из-за этого переживать и мучиться угрызениями совести. Я склонна верить в хорошее, радоваться жизни и работе, а потому всегда ищу позитивные решения. Я всячески пыталась спасти наши отношения, но эгоистичная мысль: «Спасай себя!», возникнув, уже не желала уходить. Особенно она донимала меня по ночам, когда мне не надо было думать о чужих проблемах и ничто уже не отвлекало от моих собственных. Обычно все заканчивалось тем, что я брала с прикроватного столика «Как победить бессонницу: 42 совета» и потом лежала в пенной ванне, или мыла холодильник, или делала маникюр, или занималась йогой – нередко я применяла эти успокоительные меры по две-три одновременно, – коротая время до утра в надежде свалиться от усталости и все же заснуть. А иногда просто садилась и читала, пока отяжелевшие веки не закрывались сами собой. И мне никогда не удавалось плавно перейти из бодрствования в сон, как это обещали в книге, никакой легкости и воздушности я не ощущала, ничего похожего на «дрейф по течению». Я либо не спала – измученная и отчаявшаяся, либо спала – изможденная и печальная. О том, чтобы ускользнуть из мира реального в мир снов легко и непринужденно, оставалось только мечтать.

Несмотря на то что я хотела развестись, всерьез я никогда об этом не думала. По ночам я представляла себе свою жизнь, в которой нет места счастью, пока наконец не осознала, что так жить вовсе не обязательно. И тогда мои бессонные ночи стали проходить в мечтах о том, что со мной рядом будет тот, кто меня на

самом деле полюбит и кого я тоже на самом деле люблю. Мы будем чудесной парой, из тех, между кем «пробегают искры», кто понимает друг дружку с полуслова и полувзгляда.

Затем я начала представлять рядом с собой всех поочередно знакомых мужчин, которые мне были симпатичны, то есть всех тех, кто относился ко мне по-доброму. Включая и Лео Арнольда – искать ему работу мне было особенно приятно. Лео стал одним из главных объектов моих фантазий, так что в итоге я густо краснела всякий раз, когда он переступал порог моего офиса.

А в глубине души, слабо прикрытая всеми этими мечтами, неуклонно нарастала паника: как же я с этим справлюсь? Но деваться было некуда – осознав свое положение, я не могла больше с ним мириться. Любая мелочь приобретала масштаб бедствия, поскольку расценивалась как лишнее подтверждение катастрофы в наших отношениях. Это касалось всего: он опять кончил раньше меня, он спит в носках, потому что ноги у него вечно мерзнут, он оставляет в ванной состриженные ногти прямо на раковине, не удосуживаясь донести их до мусорки. Мы уже почти не целуемся – вместо долгих романтических поцелуев изредка, бывает, клюнем друг друга в щечку, и все. Его заезженные истории, которые я уже сотни раз слышала, нагоняли на меня невероятную тоску. В одной из моих книг-советчиков был тест, где предлагалось оценить свою жизнь по хроматической таблице. Так вот, наши отношения с Барри дошли от насыщенного малинового (самое начало романа, свидания, прогулки и прочее) до унылого серого. Я не такая дура, чтобы надеяться, что огонь страсти будет ярко пылать всю дорогу, до бриллиантовой свадьбы, но все же хоть какие-то огоньки должны проблескивать на исходе первого года замужества. Оглядываясь назад, я понимаю, что влюбилась в саму идею влюбленности. А теперь мечта о мечте рассыпалась.

Лежа без сна в отеле «Грэшем», я перебирала все свои проблемы. Обида, которую я причинила Барри, денежные затруднения, которые за этим последовали, мнение окружающих, страх никогда в жизни не встретить истинную любовь, одиночество. Саймон Конвей... А теперь еще и Адам, не знаю, как его фамилия. Двадцать четыре часа назад он вторгся в мою жизнь и сейчас лежит на диване в соседней комнате. Он ждет, что я выполню свое обещание и налажу его жизнь за две недели, оставшиеся до его тридцатипятилетия, а иначе он снова попытается покончить с собой.

При этой мысли мне стало так жутко, что я потихоньку выбралась из-под одеяла и пошла проверить, как он там. Его комнату слабо освещал экран телевизора, то вспыхивая поярче, то угасая, но звук был выключен. Адам лежал спокойно, его грудь равномерно вздымалась, из чего я заключила, что он спит. Исходя из «42 советов», у меня было много вариантов, как успокоиться и «продрейфовать» в сон, но из доступных в данном случае оставался только чай с ромашкой. И я включила чайник, чтобы заварить лечебный пакетик.

- Господи, вы что, вообще никогда не спите?

- Простите, я вас потревожила?

- Вы - нет, а ваш чайник - да.

Я открыла пошире дверь в его комнату.

- А вы не хотите чашку чая? О, понятно. Вам хватает чего выпить. - Рядом с ним на столике стояли две пустые бутылочки «Джека Дэниэлса» и одна початая.

- Для «хватает» этого явно мало. Слушайте, вы же не можете наблюдать за мной сутки напролет. Рано или поздно вам все равно придется заснуть. - Он наконец открыл глаза и поглядел на меня. Вид у него был абсолютно свежий. Не усталый. И не пьяный. Вполне хорош собой. Даже очень хорош.

Я не хотела ему рассказывать об истинных причинах своей бессонницы.

- Я бы предпочла спать поближе к вам, в этой комнате.

- Лестно. Но немного рановато для столь краткого знакомства, вы не находите? Так что я пас, с вашего позволения.

Я все равно присела на край его дивана.

- Клянусь, я не собираюсь прыгать с балкона, - заверил он.

- Но вы об этом думали?

– Конечно. Я обдумал массу вариантов, как покончить с собой, не выходя из номера. Можно устроить пожар, например.

– Здесь есть огнетушитель. Я вас погашу.

– В ванной лежит неплохая бритва.

– Я ее спрятала.

– Можно утонуть в ванне или опустить туда фен.

– Я бы приглядывала за вами и вовремя достала из воды. А найти фен в отеле еще никому не удавалось.

– Чайник тоже подойдет.

– Да он воду-то с трудом кипятит, а уж убить током... разве что мышь. От него шуму много, а толку мало.

Он тихонько рассмеялся.

– Здешними ножами не то что вены – кожуру от яблока не разрежешь.

Он поглядел на ножик рядом с вазой с фруктами.

– А я решил не упоминать о нем, приберечь на всякий случай.

– Вы действительно постоянно прокручиваете в голове варианты самоубийства? – Я поджала ноги и поудобнее устроилась в уголке дивана.

Он не обратил на это внимания.

– Не могу остановиться. Похоже, вы были правы, когда сказали там, на мосту, что у меня это уже вошло в привычку.

– Ну, я не совсем так сказала, но не важно. Вы знаете, ведь ничего дурного в том, что вы об этом думаете, нет, лишь бы вы этого не делали.

– Спасибо, что хотя бы оставляете мне право думать о чем хочется.

– Эти мысли вас успокаивают, они ваше подспорье. Зачем же я стану отбирать у вас то, что вам помогает? Но этого недостаточно, чтобы справиться с ситуацией. Вы об этом вообще говорили с кем-нибудь?

– Как же, как же, моя любимая тема при первом знакомстве. Странные вопросы, ей-богу.

– А вы не думали о психотерапии?

– Только что прошел суточный курс.

– Мне кажется, вам суток маловато.

– Нет, терапия не для меня.

– Возможно, сейчас она бы вам очень даже помогла.

– А я думал, сейчас вы мне очень даже поможете. – Он посмотрел на меня. – Разве не это вы мне обещали? Доверься мне, Адам, я покажу тебе, как прекрасна жизнь.

Меня снова охватила паника при мысли о том, какую ответственность я на себя взвалила.

– И я это сделаю. Я просто подумала... – Я нервно вздохнула. – А ваша девушка, она была в курсе, что вам паршиво?

– Мария? Не знаю. Она все повторяла, что я очень изменился. Отдалился от нее. Стал невнимателен. Не такой, как был раньше. Но нет, я не говорил ей ничего.

– Вообще-то это называется «депрессия». Угнетенное состояние.

– Да пусть как угодно называется. Чем это может помочь, когда из кожи вон лезешь, чтобы быть бодрым и веселым, а тебе без конца твердят, что ты уже не тот, ходишь как в воду опущенный, ни радости от тебя, ни сюрпризов? Черт подери, я сам с собой еле-еле справлялся, какие сюрпризы? – Он мрачно хмыкнул. – Она думала, это из-за моего отца. И из-за работы.

– Но это не так?

– Ай, да я не знаю.

– Ну, в любом случае ни отец, ни работа позитивными моментами не являются?

– Нет, не являются.

– Расскажите, что вас тревожит в связи с работой.

– Так, уже пошла типичная психотерапия. Я лежу на кушетке, вы сидите рядом. – Он уставился в потолок. – На работе мне дали отпуск, чтобы я управлял отцовской компанией, пока он болеет. Меня от этого тошнит, но я вполне справлялся, пока думал, что это временно. Потом отцу стало хуже, и мне пришлось задержаться. На работе мне с большим трудом продлили отпуск, а теперь врачи говорят, что он не поправится. Он неизлечимо болен. И на прошлой неделе я узнал, что все, они меня увольняют, не могут без конца ждать, когда у меня все наладится. Тоже можно понять.

– Значит, вы узнали, что теряете отца и работу. А также девушку. И лучшего друга, – подытожила я. – Все за одну неделю.

– Вот спасибо вам, что так славно все обрисовали, мне сразу легче стало.

– У меня всего-навсего четырнадцать дней, чтобы наладить вашу жизнь. Некогда деликатничать.

– Строго говоря, дней уже тринадцать.

– Когда ваш отец умрет, предполагается, что вы займете его место?

– В том-то и проблема. У нас семейный бизнес: дед передал компанию моему отцу, теперь моя очередь, и так далее, и до бесконечности.

Тема явно оказалась болезненной, Адам ощутило напрягся. Надо мне быть осторожней.

– Вы пробовали сказать отцу, что не хотите этим заниматься?

Он горько рассмеялся.

– Вы просто не знаете моих родственников. Совершенно без разницы, что я ему скажу: это моя работа, хочу я или нет. В завещании деда сказано, что отец пожизненно владеет компанией, потом она переходит к его детям, а если я откажусь, то все попадет в руки дядино сына и его семья вступит в права наследования.

– Ну вот и решение.

Он устало потер глаза.

– Нет, это только все усложняет. Послушайте, я вам признателен за то, что стараетесь помочь, но вы ничего обо мне не знаете. Ситуация настолько запутанная, что объяснять слишком долго. Скажем так: наши семейные склоки тянутся уже не один год, и я в самом центре всего этого дерьма.

Руки у него дрожали, и он нервно потирал ладонями колени, возможно, не отдавая себе в этом отчета. Пора поговорить о чем-нибудь более жизнерадостном.

– Расскажите мне о своей работе, той, которую вы любите.

Он с усмешкой поглядел на меня и спросил:

– А вы как думаете, кем я работаю?

Я прикинула так и эдак.

- Моделью?

Он скинул ноги с дивана на пол и сел – так стремительно, что я испугалась, уж не набросится ли он на меня, но он лишь изумленно вытаращил глаза:

- Вы шутите?

- Вы не модель?

- С какого черта вы это решили?

- Потому что...

- ...что?

Он был ошарашен. Я первый раз его таким видела.

- Можно подумать, раньше вам никогда этого не говорили.

Он помотал головой.

- Нет. Даже близко.

- Да ладно. А ваша девушка?

- Нет, никогда в жизни. – Он искренне рассмеялся, и мне было на редкость приятно это слышать. – Вы мне голову дурите. – Он растянулся на диване и снова помрачнел.

- Вовсе нет. Вы самый красивый из всех моих знакомых мужчин, вот я и подумала, что вы, наверное, модель, – как можно убедительнее произнесла я. – С чего бы я стала дурить вам голову?!

Он внимательно и несколько смущенно посмотрел на меня, чтобы удостовериться, что я не шучу. Но я говорила абсолютно искренне. На самом деле я меньше всего ожидала, что все так получится. Хотела сказать правду –

что он хорош собой, а получилось только хуже.

– Ну так чем же вы занимаетесь? – поинтересовалась я, стряхивая воображаемую пылинку со своих джинсов.

– Вам это должно понравиться.

– Вот как?

– Я стриптизер. Танцор в клубе «Чиппендейлс». Я же красивый, и все такое.

Этого я не ожидала и невольно изумленно задрала бровь.

– Ладно, я прикалываюсь. Я пилот из вертолетной Службы береговой охраны.

Тут у меня от изумления открылся рот.

– Ну, я же говорил, вам это понравится. – Он пристально наблюдал за моей реакцией.

– То есть вы спасаете людей.

– У нас с вами много общего, надо признать.

В нынешнем состоянии Адаму на такой работе делать нечего. Я не должна этого допустить. Главное, его начальство этого не допустит.

– Вы сказали, что семейная компания после смерти вашего отца перейдет к его детям. У вас есть братья или сестры?

– Сестра, старшая. Лавиния следующая в списке, но она сбежала в Бостон. А что ей оставалось, когда всплыли махинации ее мужа. Он нагрел своих друзей на несколько миллионов, выстроил небольшую такую финансовую пирамидку. Они думали, что он инвестирует их денежки в прибыльное дело, а он их потратил внаглую. И у меня взял немало денег. И у отца тоже.

- Бедная ваша сестра.

- Лавиния - бедная? Да она была мозговым центром всего этого жульничества. Короче, все сложно. Компания, вообще говоря, должна была перейти к старшему сыну, то есть к моему дяде, но он самовлюбленный идиот, и дед прекрасно понимал, что он разрушит все до основания, поэтому завещал бизнес моему отцу. Тогда семья раскололась на тех, кто симпатизирует дяде Алану и кто взял сторону моего отца. Так что если я откажусь и все перейдет в руки моего двоюродного братца... Это трудно объяснить тому, кто не знает всех наших семейных тонкостей. Вам не понять, как это тяжело - отступить от чего-то, что вам, может, и глубоко чуждо, но при этом нарушить верность близким.

- Я ушла от мужа на прошлой неделе, - выпалила я в ответ. Вдруг взяла и сказала. Сердце у меня колотилось как бешеное, мне было нелегко произнести это вслух. Столько времени я мечтала от него уйти, но не могла, потому что хотела быть верной женой, честно соблюдающей свою клятву. Я отлично понимала, о чем говорит Адам.

Он с удивлением посмотрел на меня. И с некоторым недоверием, словно решая, правду ли я говорю.

- И что он делает?

- Он инженер-электрик, а что?

- Да нет, я не о том. Как он отреагировал? И почему вы ушли от него? Ну, что с ним не так?

Я замялась и смущенно изучала свои ногти.

- Вообще-то ничего. Он... я не была счастлива с ним.

Адам громко, недовольно фыркнул.

- И вы пожертвовали его счастьем ради своего.

Ну ясно, он думает о своей девушке.

- Я не говорю, что поступила правильно.

- Какая разница, что вы говорите. Важно, как вы поступили.

- Вы не знаете, как трудно мне было на это решиться. - Я почти дословно повторила то, что он сам только что сказал.

- Нокаут.

- Нужно здраво смотреть на вещи. Вместе мы были бы несчастливы всю оставшуюся жизнь. Он придет в себя и поймет, что так лучше. На самом деле он придет в себя гораздо раньше, чем ему сейчас кажется.

- А если нет?

Я не знала, что на это ответить. Такая мысль никогда не приходила мне в голову. Я была уверена, что Барри отлично заживет без меня. Куда он денется.

Адам куда-то уплыл. Он, конечно, по-прежнему лежал на диване, но мысли его явно бродили где-то далеко. Без сомнения, он думал о своей девушке. Вариант, что она отлично проживет без него, ему не годился, он хотел вернуть ее. И если она настроена по отношению к нему примерно как я к Барри, то надежд никаких.

- Ну а вы чем занимаетесь? - вернулся к реальности Адам, вдруг, вероятно, осознав, что практически ничего не знает о человеке, который намерен спасти ему жизнь.

- А вы как думаете? - поддержала я его игру.

Он ответил почти сразу:

- Работаете в благотворительном магазине?

Я выдавила смешок.

– Не угадали.

С чего он это взял, интересно? Что, мои джинсы и свитер выглядят как вещи из благотворительного секонд-хенда? Конечно, это не дизайнерские шмотки, но совершенно новые и вообще очень даже приличные.

Он улыбнулся.

– Я вовсе не имел в виду ваши вещи. Это скорее общее впечатление – вы из тех, кто должен о ком-то заботиться. Ну, может, ветеринар или из общества защиты животных? – Он пожал плечами. – Близко к тому?

– Я занимаюсь трудоустройством.

Улыбка исчезла. Он был явно разочарован и даже встревожен. И не пытался этого скрыть.

Через несколько часов у меня останется всего двенадцать дней. А я пока не добилась ровным счетом ничего.

Глава VII

Как стать друзьями и заслужить доверие

Я могла бы поклясться чем угодно, что не засну в ту ночь, однако утром меня разбудил шум воды в ванной. Я открыла глаза и поначалу не могла понять, где я. Потом вспомнила и немедленно ужаснулась – как же я могла уснуть и оставить Адама без присмотра. Сквозь приоткрытую дверь мне было видно часть гостиной: на диване – никого. Я немедленно вскочила и бросилась в комнату, по дороге задела локтем за косяк и треснулась коленкой о кофейный столик. Чертыхаясь и мало что соображая, я влетела в ванную, где моим глазам предстала голая поджарая задница, мускулистая и, судя по всему, давно не выдавшая солнца. Адам удивленно обернулся, тряхнул мокрыми, потемневшими от воды волосами и насмешливо произнес:

– Живой, как видите.

Я быстро выскочила оттуда, с трудом подавив идиотский смешок, и пошла в гостевой туалет, чтобы привести себя в божеский вид. Когда я вернулась в гостиную, в ванной по-прежнему громко шумела вода. Прошло десять минут, а она все не утихала. Я мерила шагами комнату, прикидывая, как быть. Ворваться туда и обнаружить его голым один раз – идиотизм, но простительный. Второй – редкий маразм. С другой стороны, по боку условности, ведь я имею дело с человеком, который не далее как два дня назад хотел покончить с собой, причем именно в воде. Хотя сейчас, кроме как протереть в себе дыру мочалкой, он вряд ли сможет чем-нибудь себе навредить. Стаканы я убрала, а зеркала он вроде пока не бьет. Когда я уже совсем было приготовилась постучать к нему, из ванной вдруг донеслись тихие, но очень горькие всхлипывания. Они буквально надрывали мне сердце, мне так хотелось пожалеть его и успокоить, но я лишь беспомощно стояла под дверью и слушала, как он сдавленно, обреченно плачет.

А потом я вспомнила о его предсмертной записке. Если я не прочту ее сейчас, пока он в ванной, другой возможности у меня не будет. Я огляделась. На кресле были свалены в кучу его вещи, сверху лежали джинсы, куда он вчера засунул записку. Вот она, в заднем кармане. Я развернула листок, уговаривая себя, что ничего плохого не делаю, надо же мне узнать побольше о причинах, подтолкнувших его к самому краю. Но это оказалось вовсе не то, что я ожидала. В руках у меня был черновик его письма к Марии, в котором он делал ей предложение. Некоторые фразы были зачеркнуты, другие переписаны по нескольку раз. Я торопливо читала письмо, как вдруг у Адама зазвонил мобильный. Он лежал поверх стопки чистой одежды, которую тот приготовил себе на сегодня. Телефон умолк, на экране высветилась надпись: «17 пропущенных вызовов». И тут же зазвонил опять. «Мария». Недолго думая, повинувшись какому-то безотчетному импульсу, я взяла телефон. И ответила.

Поглощенная разговором, я не заметила, что вода перестала шуметь. Обернулась, прижимая к уху телефон, и увидела, что Адам в набедренной повязке из полотенца стоит в дверях ванной и вид у него такой, будто стоит он там давно, во всяком случае, он уже успел высохнуть. Выражение его лица не сулило ничего хорошего. Я извинилась и поскорей дала отбой. И прежде чем он успел на меня напасть, торопливо пояснила:

– У вас семнадцать пропущенных звонков, я подумала, а вдруг это что-то очень важное, и ответила. К тому же, чтобы наш план сработал, мне нужен полный

доступ к вашей жизни. Никаких запретных зон. Никаких секретов.

Я умолкла, чтобы убедиться, что он понял. Он не возражал.

– Это Мария звонила. Она волнуется за вас. Боялась, как бы с вами чего не случилось после той ночи, и вообще ей тревожно. Говорит, с вами уже больше года что-то не так, а последние месяцы особенно. Она никак не могла до вас достучаться, поэтому решила посоветоваться с Шоном, чем вам можно помочь. Ей не удалось побороть свое чувство к Шону, хотя она пыталась. Они не решались вам признаться, потому что не хотели причинить вам боль. Вместе они уже полтора месяца. Она не знала, как вам об этом сказать. Мария считает, что вы сначала переживали из-за сестры, когда ей пришлось уехать из Ирландии, а потом из-за болезни отца и своей работы. Уверяет, что каждый раз, как она пыталась с вами поговорить, непременно случалось что-нибудь плохое. Она хотела вам рассказать про них с Шоном, но тут стало известно, что ваш отец смертельно болен. На прошлой неделе она договорилась с вами встретиться и наконец все объяснить, но вы ей сообщили, что вас уволили. Ей очень жаль, что вы узнали о них с Шоном именно таким образом.

Он слушал меня, и я видела, как внутри его клокочет гнев, но в то же время он страшно переживал. Ясно, что он очень трепетный, ранимый человек и что он с величайшим трудом удерживается на грани.

– Ей не понравилось, что я ответила на звонок. Она расстроилась и даже, по моему, рассердилась. Как так, незнакомая девушка с утра пораньше рядом с вами. Она явно меня приревновала. Ей казалось, что за шесть лет она успела познакомиться со всеми вашими друзьями. Такие дела.

Он уже не так злился – мысль, что Мария ревнует, слегка остудила его гнев.

Я помедлила, раздумывая, сказать ли и все остальное, и решила, что игра стоит свеч.

– Она сказала, что не узнает вас в последнее время. Вас словно подменили – был веселый, жизнерадостный человек и как будто потух.

На глаза его набежали слезы, но он мотнул головой, кашлянул и надел маску крутого мачо.

– Вы снова станете прежним, обещаю вам, Адам. Кто знает, может быть, если Мария увидит того, в кого она когда-то влюбилась, то полюбит вас опять. Мы раздуем угасшее пламя.

Я вышла в соседнюю комнату, чтобы у него была возможность спокойно все обдумать, и нервно грызла ногти в ожидании его ответа. Прошло долгих двадцать минут, и он появился в дверях – полностью одетый к выходу, глаза ясные, на лице ни следа растерянности или печали.

– Пошли завтракать?

В гостиничном буфете был весьма обширный выбор блюд, и посетители сновали туда-сюда, щедро накладывая себе в тарелки разносолы шведского стола. Мы сели спиной к залу, и на подносе у нас стояли только чашки с черным кофе.

– Итак, вы ничего толком не можете есть, почти не спите и спасаете людей. Что еще у нас с вами общего? – спросил Адам.

Я действительно потеряла аппетит три месяца назад, когда поняла, что несчастлива с Барри. Потеряв аппетит, я стала терять и в весе, но боролась с этим, черпая советы из «Как вернуть аппетит маленькими кусочками».

– Неудачные романы, – предложила я.

– Вы ушли сами. Меня бросили. Не засчитывается.

– Не осуждайте меня, вы слишком лично это воспринимаете.

– Постараюсь.

Я вздохнула.

– Ну ладно, расскажите про себя. Мария произнесла одну вещь, на которую я обратила внимание. Что вы перестали излучать жизнерадостность.

– Да-да-да, и я на нее обратил внимание, – оживленно кивнул Адам. – Интересно, она это осознала до или после того, как трахнула моего лучшего друга, или, может, во время?

Я пропустила это мимо ушей, пусть человек выплеснет злость.

– Как вы восприняли смерть матери?

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что мне это может помочь.

– А мне это может помочь?

– Ваша мать умерла, сестра уехала, отец смертельно болен, а девушка встречается с другим. Я думаю, то, что она ушла, послужило своего рода спусковым механизмом. Возможно, для вас непереносима идея утраты. Вы боитесь быть покинутым. Понимаете, если знаешь, как работает этот механизм, можно его держать под контролем, не поддаваться негативным эмоциям и не давать тревожным мыслям затягивать тебя в трясину все глубже и глубже. Вас покидают сейчас, а вы реагируете точно так же, как когда вам было пять лет, вот в чем дело.

Очень, на мой взгляд, убедительные соображения, но, похоже, только на мой.

– Мне кажется, вам пора перестать изображать из себя психотерапевта.

– А мне кажется, вам давно пора сходить к нему, но раз вы упорно отказываетесь, то лучше я, чем никого.

Он промолчал. Не знаю, в чем причина, однако это, похоже, не вариант. Ну все равно надо надеяться, со временем мне удастся его уговорить.

Адам вздохнул и откинулся на спинку стула, уставив взгляд на люстру, будто это она с ним беседовала.

– Мне тогда было пять, а Лавинии десять. У мамы был рак. Все это было очень грустно, но я ничего не понимал. Мне не было грустно, но я видел, что все переживают. Я не знал, что у нее рак, или не знал, что это такое. Знал просто, что она болеет. Она была в комнате внизу, на первом этаже, и нам не разрешали туда заходить. Несколько недель или несколько месяцев, не помню. Казалось, что вечность. Рядом с комнатой надо было вести себя очень тихо. Часто приходили врачи, у них были такие специальные чемоданчики, они смотрели на меня с сочувствием и гладили по голове. Отец редко заходил туда. Однажды двери в комнату открыли. Я зашел, увидел кровать, которой раньше там не было. Кровать была пуста, но в остальном в комнате все было как всегда. Врач, который был со мной особенно приветлив, сказал, что мама ушла. Я спросил куда, он сказал – в рай. Тут я понял, что она не вернется. Мой дед ушел туда, и он не вернулся. Я решил, что это, наверное, очень приятное место, раз оттуда не хочется возвращаться. Мы поехали на похороны. Все были такие печальные. Несколько дней я провел у своей тети. А потом меня отправили в частную школу-интернат.

Все это он произнес без малейших эмоций, абсолютно отстраненно, защитная реакция не позволяла ему подключиться к той ситуации и испытать невыносимую боль утраты. Все, что он сказал, безусловно, было правдой, в этом я не сомневалась.

– Ваш отец не говорил с вами о том, что происходит с мамой?

– Мой отец не тратит время на эмоции. Когда ему сообщили, что жить ему осталось считанные недели, он велел, чтобы ему в больничную палату поставили факс.

– А сестра? С ней вы могли поговорить?

– Ее тоже отправили в школу, в Килдэр, и мы виделись несколько дней в году на каникулах. А в первое же лето, когда мы приехали домой, она открыла в городе ларек и продала там мамину обувь, сумки, шубы – вообще все, что представляло хоть какую-то ценность, и выручила за них очень немалые деньги. Подчистую распродала мамины вещи... и выкупить их обратно было уже невозможно, когда это всплыло несколько недель спустя. Деньги к тому моменту она почти все истратила. Она и до того была мне почти чужая, а после и подавно. Лавиния сделана из того же теста, что отец. И гораздо умнее меня, жаль только, что она не находит своему уму лучшего применения. Это ей бы следовало занять место

отца, а вовсе не мне.

- В школе вы с кем-нибудь подружились?

Я надеялась, что хоть кто-то в жизни Адама относился к нему тепло и по-дружески. Мне хотелось, чтобы хоть на каком-то этапе в конце можно было сказать: «Хеппи-энд».

- Там я познакомился с Шоном.

Не годится для хеппи-энда, Шон в итоге оказался предателем. Не удержавшись, я мягко накрыла руки Адама своими. Он напрягся, и я тут же их убрала. Адам еле заметно усмехнулся и спросил:

- Может, прекратим наконец эти ритуальные пляски вокруг да около и перейдем напрямую к проблеме?

- Это не ритуальные пляски. Я думаю, что смерть матери наложила отпечаток на всю вашу дальнейшую жизнь, она определила ваше поведение, реакции, отношение к людям и к себе самому – так подобные ситуации описывают все психологи, и я лично считаю, что это совершенно верно.

- Ну, если только ваша мать не умерла, когда вам было пять лет, полагаю, эти сведения вы извлекли из умных книг. Со мной все о'кей, пошли дальше.

- Умерла.

- Простите?

- Мама умерла, когда мне было четыре года.

Он смутился.

- Очень сочувствую.

- Спасибо.

– И как это отразилось на вашей жизни? – мягко спросил он.

– Ну, я не из тех, кто намерен покончить с собой в свой тридцать пятый день рождения, так что идем дальше, – решительно заявила я, не желая уводить разговор в сторону. Судя по удивленному выражению его лица, это прозвучало слишком резко. Надо успокоиться. – Извините. Послушайте, Адам, если вы не желаете со мной разговаривать, то чего тогда вы от меня хотите? Какой помощи ждете?

Он наклонился ко мне и произнес, вонзая указательный палец в стол, чтобы подчеркнуть каждый пункт:

– На следующей неделе, в субботу, мне исполняется тридцать пять лет. Я отнюдь не жажду отмечать свой день рождения, но у моих близких свои резоны. Под близкими я не имею в виду Лавинию, у нее есть только одна возможность проникнуть на территорию Ирландии без того, чтобы на нее тут же не надели наручники, – по скайпу. Я имею в виду тех, кто связан с нашей компанией. Прием состоится ни много ни мало в Сити-Холле, это большое событие, и, повторяю, я предпочел бы уклониться, но сие невозможно, потому что совет директоров намерен в этот день объявить, что отныне я глава компании, они хотят успеть, пока отец еще жив. В общем, официально возвести меня на трон. Осталось двенадцать дней. Отец совсем плох, и они встречались на прошлой неделе, чтобы решить, нельзя ли устроить нашу вечеринку пораньше. Я сказал, что этому не бывать. Во-первых, мне эта работа не нужна. Я еще до конца не все продумал, но на приеме я назову кого-то, кто займет это место. Второе. Если я должен явиться на этот чертов праздник, то только вместе с Марией, и никак иначе. – Голос его сорвался, и он умолк, переводя дух. – Я все обдумал и понял, что она права. Я действительно изменился. Меня не было с ней рядом, когда я был ей нужен, она хотела с кем-то посоветоваться и пошла к Шону. Шон этим воспользовался. Когда мы закончили школу, то поехали с ним в Бенидорм. Солнце, море, Испания... я много раз наблюдал, как Шон общается с девушками. И знаю, на что он способен. А она не знает.

Я хотела было возразить, но Адам предупредительно поднял палец и продолжал:

– Кроме того, я хочу вернуться в Береговую охрану. И пусть все, кто работал на нашу компанию последние сто лет, меня простят, я не готов занять место своего отца. По мне, так любой из них куда больше подходит для этой проклятой должности. Прямо сейчас все это кажется малореальным, но вы должны мне

помочь. Нам нужно подправить дедушкины планы. Ни я, ни Лавиния стать во главе компании не можем, но и кузену Найджелу она не должна попасть в лапы. Это бы означало конец всему бизнесу. Мне надо будет кое с чем разобраться. Если ничего не получится, что ж, прыгну в реку башкой вниз и сдохну, но жить иначе, чем я сказал, не буду.

Два последних слова он сопровождал особенно решительными тычками пальцем в стол. И уставился на меня – напряженно, угрожающе, с вызовом. Он предлагал мне выйти из игры и признать свое поражение.

Чертовски заманчиво, чтобы не сказать больше. Я встала из-за стола.

Он самодовольно усмехнулся. Как же, ему удалось убрать меня с дороги, теперь он свободен и может без помех свернуть себе шею любым пригодным для этого способом.

– Ладно! – Я хлопнула в ладоши, точно собиралась начать генеральную уборку авгиевых конюшен. – Дел у нас по горло. В квартиру, где вы жили с Марией, вам сейчас хода нет, так что можете временно пожить у меня, так я думаю. Мне надо поехать домой, переодеться, а потом смотаться в офис и кое-что забрать оттуда. Да, еще в магазин зайти, потом объясню за чем. И первым делом необходимо забрать мою машину. Ну, вы идете?

Он изумленно поглядел на меня – видимо, никак не ожидал, что я не отступлюсь, а потом взял свой дафлкот и пошел за мной.

Мы ехали в такси, когда мой телефон коротко звякнул.

– Уже третье сообщение подряд. Вы что, никогда их не читаете? Это огорчительно – и что я буду делать, свесившись с моста, когда мне захочется услышать слова ободрения?

– Это не сообщения, а голосовая почта.

– Откуда вы знаете?

Было восемь утра, вот откуда я знала. И в это время случалось только одно, каждый божий день.

– Знаю.

Он прищурился:

– Никаких секретов, забыли?

Верно, подумала я и тут же вспомнила о его письме к Марии, которое в данный момент лежало у меня в кармане. Вздохнув, я протянула ему свой телефон.

Он мгновенно в нем разобрался и стал слушать сообщения. Минут через десять он мне его вернул.

Я ждала, что он скажет.

– Это был ваш муж. Вы, похоже, и не сомневались. Он сказал, что оставит себе золотую рыбку и его адвокат оформит все бумаги, подтверждающие, что у вас на нее нет никаких прав. И они попытаются доказать, если я, конечно, не ослышался, что вам вообще нельзя иметь домашних животных.

– Это все?

– В следующем сообщении он назвал вас стервой двадцать пять раз. Это не я посчитал. Это он сам. Он сказал, что вы – двадцатипятикратная стерва. Вот он столько раз это и повторил.

Я забрала телефон и горестно вздохнула. Барри, кажется, не намерен утихомириться. Наоборот, он все больше впадает в безумие. Сдалась ему эта золотая рыбка. Он вообще рыб ненавидит, а золотых особенно. Ему эту рыбку подарила на день рождения его племянница, потому что его брат ненавидит рыбок ничуть не меньше самого Барри, так что в принципе это она ее себе подарила – чтобы приходиться к нам и смотреть на нее. Пусть он подавится этой треклятой рыбой.

– Вообще-то, – Адам взял у меня телефон, и в глазах его заплясали черти, – я бы хотел посчитать, а то вдруг он ошибся? Это было бы забавно.

Он снова прослушал сообщение, и всякий раз, как Барри меня обзывал, желчно, яростно и обвиняюще, Адам загибал палец, удовлетворенно улыбаясь. Когда он дослушал до конца, то разочарованно развел руками.

– Нет. Не ошибся – двадцать пять стерв.

Он протянул мне мобильник и уставился в окно.

Мы ехали в полном молчании, когда телефон опять звякнул.

– А я-то думал, это у меня проблемы, – сказал Адам.

Глава VIII

Как искренне просить прощения

Значит, это он?

– Да, – прошептала я, присев у постели Саймона.

– Знаете, он ведь вас не слышит. – Адам нарочно говорил громче обычного. – Незачем шептать.

– Шшш.

Меня возмутило его неуважение и очевидное желание показать, что состояние Саймона его ничуть не трогает. Ну а меня очень даже трогает, и я вовсе этого не стыжусь, напротив, меня переполняет жалость. Всякий раз, как я смотрела на Саймона, мне вспоминался тот момент, когда он выстрелил. В ушах раздавался грохот. Я мысленно еще раз произносила слова, которые его тогда успокоили, и он положил пистолет на подоконник. Все было хорошо, его решимость

покончить с собой ослабла, он готов был передумать. А потом вдруг я потеряла нужный настрой и сказала что-то не то – если вообще сказала. Я зажмурилась и постаралась вспомнить.

– Так что, я должен немедленно осознать нечто важное? – Адам бесцеремонно вторгся в мои мысли. – Это такой психонамек, поучительная демонстрация: радуйся, Адам, что ты здесь, а не там, где бедняга Саймон? – вызывающе спросил он.

Я бросила на него уничижительный взгляд.

– Вы кто такие?

Я вскочила со стула – в палату вошла незнакомая женщина. Ей было лет тридцать восемь, она держала за руки двух маленьких светловолосых девочек, и обе они удивленно смотрели на нее большими голубыми глазами. Джессика и Кейт. Саймон мне про них говорил. Джессика очень переживала, когда умер ее кролик, а Кейт, чтобы она не так грустила, притворялась, будто видит его, стоит только сестре отвернуться на минутку. Саймон еще сказал тогда: интересно, будет ли Кейт делать то же самое, когда он умрет, а я ответила, что гораздо лучше для всех ему остаться живым. Женщина выглядела абсолютно измученной. Вспомнила, Саймон говорил, ее зовут Сюзан. Я страшно разволновалась, сердце колотилось как бешеное. Я всячески убеждала себя, что и Анджела, и все остальные были правы: моей вины тут нет. Я старалась помочь, но, увы, безуспешно.

– Здравствуйте.

Непонятно, как мне лучше представиться ей. Я замялась, и она выжидательно, с нескрываемой враждебностью смотрела на меня. От этого я занервничала еще больше и почувствовала себя виноватой во всем. А тут еще Адам внимательно наблюдает, как его спасительница демонстрирует уверенность и самообладание в сложной ситуации.

Я шагнула к ней и протянула руку, голос у меня дрожал:

– Меня зовут Кристина Роуз. Я была рядом с вашим мужем в ту ночь, когда он... – я посмотрела на девочек, которые тарасили на меня круглые глазенки, – когда

это произошло. Я хотела бы объяснить вам, что...

- Убирайтесь отсюда, - негромко сказала Сьюзан.

- Простите? - У меня моментально пересохло во рту.

Сбывался мой худший ночной кошмар. В уме я сотни раз проигрывала эту сцену, представляла ее так и эдак глазами разных людей, но все же не думала, что это может случиться на самом деле. Я убеждала себя, что мои опасения абсурдны, единственным, что помогало мне с ними справляться, была вера в их нереалистичность.

- Я, кажется, ясно сказала. - Она слегка подтолкнула девочек вперед, освобождая выход.

Ошеломленная, я словно приросла к месту. Адаму пришлось положить мне руку на плечо и малость встряхнуть меня, чтобы я наконец очнулась.

Мы оба не произнесли ни слова, пока ни сели в машину и ни выехали с больничного двора на улицу. Адам открыл рот, намереваясь что-то сказать, но я его опередила:

- Я не хочу говорить об этом.

Мне с трудом удавалось не разрыдаться.

- Ладно, - сочувственно кивнул он, потом поглядел на меня, словно собирался что-то добавить, но передумал и отвернулся к окну.

Интересно, что же он хотел сказать?

Я выросла в Клонтарфе, прибрежном районе северного Дублина. А познакомившись с Барри, любезно переехала на другую сторону Лиффи, в Сандимаунт. Мы жили в его холостяцкой квартире, потому что он хотел быть поближе к матери, которая меня невлюбила за то, что я протестантка, хотя я вовсе не религиозна, - и неизвестно, что раздражало ее больше. Барри

ухаживал за мной полгода, потом предложил пожениться, возможно, потому, что так поступали почти все наши сверстники, и я сказала да, возможно, потому, что почти все мои сверстницы говорили да, и это казалось взрослым, разумным поступком. А еще через полгода я была уже замужем и мы жили в новой квартире, которую купили там же, в Сандимаунте. Свадьба осталась позади, наступила реальная жизнь, отныне и навеки. Офис у меня в Клонтарфе, и каждое утро я совершала туда короткий бросок на скоростной электричке. Барри не мог расстаться со своей холостяцкой квартирой, поэтому сдавал ее, а деньги уходили на взносы по ипотеке. Если бы теперь Барри вернулся обратно в свое жилище, которому он вечно пел такие хвалы, а мне позволил пока остаться дома, это избавило бы нас от кучи лишних хлопот, но нет, он не желал поступиться ничем. Машину, как я уже говорила, он тоже оставил себе, и я временно ездила на автомобиле своей подруги – год назад Джулия эмигрировала в Торонто, но продать машину ей все не удавалось. Взамен я обязалась ездить с наклейкой «Продается» на переднем и заднем стекле, где был указан мой номер телефона. Так что я подробно рассказывала потенциальным покупателям о достоинствах машины, а также проводила тест-драйвы. Выяснилось, что люди, желающие приобрести машину, звонят в самое неожиданное время суток и задают самые идиотские вопросы, точно не верят тому, что написано в объявлении на сайте и в журнале, и надеются услышать нечто противоположное.

Мой офис находится на Клонтарф-роуд, на втором этаже четырехэтажного дома. Раньше дом занимали три незамужние тетушки моего отца, Бренда, Адриана и Кристина, в честь которых нас с сестрами и называли. Сейчас здесь живут отец и мои сестры, и здесь же расположена их адвокатская контора «Роуз и дочери»: мой отец – феминист, это ясно из ее названия. Отец обосновался тут тридцать лет назад, когда последняя из его теток решила перебраться в изолированную квартиру в цокольном этаже, с отдельным входом. Поддерживать порядок в большом доме ей было уже не под силу. Как только сестры получили дипломы, они пришли в отцовскую фирму. Я с ужасом ждала того дня, когда мне придется объявить ему, что я там работать не хочу, но он отнесся к этому с полным пониманием.

– Ты у нас из породы философов, а мы все – практики, – сказал он. – Девчонки пошли в меня, мы дело делаем. А ты в маму, ты размышляешь. Вот и размышляй.

Бренда специализируется по имущественному праву, Адриана – по семейному, а отец защищает интересы клиентов при несчастных случаях и убежден, что это

самое прибыльное. Они занимают весь верхний этаж, мой офис на втором, там же последние двадцать лет арендует помещение бухгалтер, который все эти годы держит бутылку водки в ящике письменного стола и думает, что никто об этом не знает. Вообще-то и его комната, и он сам прочно пропитались перегаром, но подробности я узнала от Джасинты, нашей уборщицы, которая поставляет папе сплетни обо всех его арендаторах. Они об этом не уговаривались, но молчаливо подразумевается, что чем больше она добывает информации, тем больше он ей платит. Порой я думаю, что же она рассказывает ему обо мне?

Арендаторы на первом этаже сменялись с такой скоростью, что я не понимала, кто есть кто, сталкиваясь с ними в холле. Из-за кризиса они сдавали позиции, не успев толком нанять помещение. В квартире, которую занимала в последние годы жизни моя тетя Кристина, сначала была страховая компания, потом там обосновались биржевые маклеры, вскоре их место заняла студия графического дизайна, а теперь там временно обитаю я. Все циклично – от одной Кристины к другой. Без большой охоты отец все же согласился мне ее сдать и даже слегка обставил: въехав, я обнаружила односпальную кровать в спальне, одинокий стул на кухне и одинарное кресло в гостиной. Пришлось совершить рейд по домам сестер. Бренда расщедрилась и отдала мне спальное покрывало своего сына с гигантским изображением Спайдермена – ей показалось, что это ужасно смешно. Она считала, что подарочек поднимет мне настроение, но я совсем загрустила, что дошла до жизни такой. Сначала я собиралась его куда-нибудь сбавить, а потом и вовсе перестала замечать.

В соседнем доме находится «Приют книголюба», также известный как «Последний приют». Это прозвище закрепилось за ним из-за упорного нежелания признать поражение в борьбе с крупными сетевыми магазинами, когда все остальные книжные лавки в округе давным-давно закрылись. Его хозяйка Амелия моя близкая подруга, и подозреваю, что только благодаря мне она еще держится на плаву, потому что покупателей в магазине почти нет. Выбор книг у нее небогатый, их приходится заказывать, а кому охота тратить время. Амелия живет над магазином со своей больной матерью, за которой после обширного инсульта требуется постоянный уход. И колокольчик в зале чаще звонит не потому, что вошел посетитель, а потому, что матери нужна помощь и она зовет Амелию наверх. Она заболела, когда Амелия была еще подростком, с тех пор дочь неустанно о ней заботится, и мне кажется, она сама действительно нуждается в отдыхе, любви и поддержке. Как и большинству тех, кто ухаживает за больными, ей нужно иметь возможность в свою очередь на кого-то опереться. Книжный у Амелии на втором месте, а на первом мать, все

свои силы и время она отдает ей.

– Привет, солнышко. – Амелия вскочила с кресла, в котором проводила бо?льшую часть рабочего дня, читая книжки в ожидании покупателей.

Тут она узрела Адама, который, оказывается, последовал за мной в магазин. Глаза ее восторженно округлились.

– Я думала, вы меня в машине подождете.

– Вы забыли оставить окно открытым, – невозмутимо парировал он, оглядываясь вокруг.

– Амелия, это Адам. Адам, это Амелия. Адам... мой клиент.

– А, – разочарованно протянула Амелия.

Я точно знала, зачем пришла, поэтому сразу направилась к разделу «Помоги себе сам», а он бесцельно прохаживался вдоль книжных полок с совершенно отсутствующим видом.

– Он потрясающий, – прошептала Амелия.

Я рассмеялась и шепнула в ответ:

– Он – клиент.

– Он – потрясающий.

– Фреду бы твои слова не понравились, – улыбнулась я.

Амелия принялась изучать свои ногти, задумчиво задрав брови.

– Он пригласил меня в «Перл» на обед.

– В «Перл»? Как романтично. – Вот так новость, Фред вовсе не романтик. Потом меня осенило: – Он хочет сделать предложение!

Амелия больше не могла сохранять равнодушный тон, она явно думала то же, что и я.

– Ну, может, и нет. Знаешь, вовсе не обязательно, но... ты думаешь...

Я восторженно ахнула:

– Господи, Амелия, я так рада за тебя! – Мы взволнованно обнялись.

– Не хочу радоваться раньше времени. – Амелия шутливо меня отпихнула. – Перестань, а то сглазишь.

– Ладно, пробей вот это.

Амелия посмотрела, что я беру.

– Ну наконец-то! Кристина, это замечательно, – с воодушевлением заявила она.

Я нахмурилась.

– Это не для меня. А ты вообще о чем?

– О, прости, пожалуйста. Это я так... ну, ни о чем. – Она покраснела и резко сменила тему. – Барри звонил вчера вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

В Дублине, чтобы перейти улицу, надо нажать кнопку светофора и ждать, когда загорится зеленый свет для пешеходов, даже если машины в этот момент остановились на красный.

2

Дублинская игла (официальное название «Монумент света») – стальной памятник в форме иглы, возведенный в 2003 году на месте взорванного в 1966 году боевиками ИРА памятника адмиралу Нельсону.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/sesiliya-ahern/kak-vlyubitsya-bez-pamyati-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)